

АЙА САФИНА

ПАДАЛЬЩИКИ

ПОСЛЕДНЯЯ
БИТВА

4

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Айя Сафина

Падальщики. Книга

4. Последняя битва

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63662241

SelfPub; 2021

Аннотация

После падения Желявы под натиском кровожадного врага и предательства среди своих Падальщики пытаются выжить в новом доме под руководством доктора Августа Кейна, которому удалось завершить создание сыворотки, позволяющей зараженным людям вернуться в человеческое обличие. Однако Полковник Триггер не желает оставлять Желяву неотмщенной и отчаянно ищет врага, уничтожившего его дом. В хаосе гонки за выживание уже сложно разобрать, где союзник, а где враг. И посреди этого хаоса Тесса отчаянно пытается найти способ для людей сосуществовать с зараженными. Противостояние достигает кульминации, когда в руки Триггера попадает мощное оружие «Иерихон», обещающее стереть всю заразу с поверхности земли, и Полковнику не терпится претворить свой план в жизнь. Позволит ли ему Тесса? Осталась последняя битва. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Новое начало	13
Глава 2. Пир посреди чумы	60
Глава 3. Аахен	154
Конец ознакомительного фрагмента.	158

Айя Сафина

Падальщики. Книга

4. Последняя битва

Пролог

30 марта 2033 года. 21:52

Кингшенг Ляо

Очередной рассвет забрезжил на границе между круглой голубой землей и бесконечным мраком космоса.

– Семь.

Слова сами вырвались из груди.

Я потер уставшие глаза, но продолжил перебирать системные алгоритмы «Шэньчжоу». В голове постоянно мелькают цифры. Считать, вспоминать становится все труднее, но я заставляю себя. Цифры – это единственное, что не позволяет мне сойти с ума.

Восемьсот сорок один день на станции.

Семьсот пятьдесят дней задержки миссии.

Семьсот двадцать шесть дней молчания от центра командования Цзююань.

Седьмой рассвет за сутки.

И уже тридцать четыре часа я пишу свой путь домой.

Мысль, как яркая вспышка света, пронзила мой истощенный мозг тридцать четыре часа назад: я смогу вернуться домой!

Снова раздался стук из модуля «Вэньтянь». Минг Чан пытался открыть люк между модулями. Я перетянул ручку открытия люка стропами, но не думаю, что они удержат его надолго.

Страх перед Мингом зарядил кровь остатками адреналина, хотя его количество тоже истощилось за два с половиной года пребывания на станции.

Алгоритмы светились на мониторе цветными комбинациями, схематическими блоками, логическими диапазонами. Я читал мозг «Шэньчжоу», перешивал его, удалял ненужное и создавал новые числовые тропы, чтобы он не заплутал в бесконечном пространстве между Землей и орбитой.

Восемьсот сорок один день на станции.

Четыреста восемь километров до Земли.

Восемь тонн – масса корабля.

Три часа сорок минут – расчётное время посадки в районе немецких Альп.

Очередной проблеск света в иллюминаторе.

– Восемь, – выдохнул я.

Прошло девяносто минут с предыдущего рассвета, а казалось всего пять. В нынешнем состоянии истощения мозг работает медленнее. А стук где-то за стенами модулей стал интенсивнее. Минг Чан свирепел, он знал, что я собирался сва-

лить. Но он не собирался отпускать меня со станции. Я нужен был ему для пропитания. Как и остальные четверо тайкунавтов, что он убил.

Восемьсот сорок один день на станции.

Четыреста семьдесят шесть дней с момента истощения продовольственных запасов.

Сто двадцать дней со дня убийства Нинг Энлея.

К настоящему моменту у Минга должны были закончиться запасы тела Нинга. Теперь моя очередь послужить ему пищей.

Все это время я питаюсь скудными ростками водорослей. Их немного, их хватает лишь на одного. За это время в полной изоляции каждый из нас выживал, как мог. Каждый делал выбор. Я выбрал водоросли, остальные – каннибализм. Теперь же остался лишь один из них. Я стараюсь не отвлекаться на шум, хотя явственно представляю, как Минг яростно избивает заблокированный люк.

Автономный модуль «Сюньтянь», дрейфующий с телескопом на одной с нами орбите, послал мне сигнал предварительной готовности. Он помогал мне отслеживать точку посадки. Его алгоритмы тоже есть в моих формулах. Я должен успеть. Должен дописать код до момента прохода станции над точкой отстыковки корабля.

– Девять ...

Глаза слипаются, все размыто, цифры сливаются в бесконечную зеленую массу на черном фоне. Посторонний код,

вшитый в жесткий диск «Шэньчжоу», все время мелькает то тут, то там, сбивая расчеты.

Неизвестная мне система запуска ракет со странным библейским названием искусственно вкраплена в мозг корабля, вкраплена неаккуратно, безалаберно, как будто кто-то торопился ее записать в дрова, чтобы успеть отправить на станцию. Я вырезаю все, что связано с этой системой, и кладу в отдельное файловое хранилище. Я не знаю, для чего предназначена эта система, никто не снабдил инструкциями. Ее просто послали сюда впопыхах.

К чему? Зачем? За нами все равно так никто и не вернулся. Китайская модульная космическая станция – гордость Поднебесной, дерзкое заявление о собственной космической мощи – покинута, забыта. Мы одиноко дрейфуем в космосе почти три года, пища в отсутствие поставок с земли закончилась спустя год после последнего звонка с Земли, как бы мы ни старались ее экономить, мы стали поедать друг друга...

Зачем я вспоминаю об этом? Затошнило...

Соберись!

Вдруг раздался взрыв. Станцию тряхнуло. О нет!

Я привстал в кресле и выглянул из корабля. Напряженное молчание, стук сердца в ушах, стекающий по спине пот. И вот наконец в базовый модуль между лабораторными модулями «Вэньтянь» и «Мэньтянь» влетел безумный Минг Чан. Его глаза налились кровью, руки разбиты до костей, правая сторона тела дымилась от ожогов – видимо, ему удалось вы-

бить крепления люка при помощи взрывной реакции. Черт! Не следовало его запирать в грузовом «Тяньчжоу», там всегда хранились реагенты для опытов, а сам Минг в далекие времена был астронавтом-физиком. Во времена, когда еще был в себе.

Сейчас же он окончательно спятил. Он был голым и все время, что не ел плоть Нинга, летал между отсеками, разговаривая сам с собой. Я тоже говорил с самим собой. В условиях заточения на космической станции без еды, без помощи с земли, сохранить рассудок очень сложно. Мингу это не удалось.

– Пришельцы! Пришельцы! Они везде! Убить! Их надо убить! – кричал Минг.

Он летел ко мне с металлическим рычагом от люка в руке, грозясь разнести мой череп. Не знаю, что видел его заплывавший мозг, не знаю, что видели его затуманенные глаза, но знаю, что его охватило лишь одно желание – убить всех.

Я быстро заперся в «Шэньчжоу», хлопнув люком и заблокировав ручку механического открытия. Времени нет. Придется импровизировать там, где не успел прописать координатный код.

Первый удар по люку, грозный рев спятившего командира миссии. Он понимал, что я хочу попытаться вернуться на Землю. Оставить его здесь один на один с его воображаемыми демонами. Он зашел далеко за грань рассудка. Теперь он просто чудовище, ничем не отличающееся от безмозглых

тварей, что пожирали людей на Земле.

Судя по видеокадрам, что нам успел послать центр управления полетами из Цзюцунань до того, как навеки замолчал, я понял, что человечество не справилось с агрессивным вирусом. И, возможно, на планете мне не выжить.

Но и здесь не выжить.

И в полете домой тоже могу не выжить.

Смерть медленно затягивала петлю на моей шее последние три года, что я бесцельно дрейфовал в космосе, страшась грядущего. Оно неизбежно. И было неизбежным с самого первого дня новостей о Вспышке. Со дня, когда я согласился на проклятый полет.

Минг продолжал избивать люк стыковочного узла, мне нужно торопиться, пока он не нанес критический урон кораблю.

Я вытащил из кармана фотографию, слезы потекли из глаз, я не мог их контролировать. Фотография, на которой запечатлен весь последний экипаж, прибывший на космическую модульную станцию и нашедший на ней свой жестокий конец. Мы стоим вчетвером внутри «Шеньчжоу», еще когда корабль стоит в ангаре недалеко от площадки запуска. Это был последний день на Земле для него и для нас.

Я прикрепил фотографию на панель управления, помолился, попросил прощения у всех членов экипажа, которым причинил боль.

А потом запустил первый цикл отстыковки.

Минг взревел, услышав объявление центральной системы управления базового модуля «Тяньхэ» о намереваемом покидании станции, и стал избивать люк еще сильнее. Казалось, он решил либо умереть, либо остановить меня.

– Я открываю шлюз! – крикнул я ему.

Но Мингу было все равно. Он продолжал колотить рычагом по обшивке корабля.

Снова проблеск в иллюминаторе. На этот раз последний.

– Десять, – сказал я себе.

Именно десятый рассвет фигурировал в моих вычислениях. Для того, чтобы как можно точнее рассчитать место посадки корабля, необходимо знать точную высоту станции в момент отстыковки. Станция постоянно падает на Землю, двигатели возвращают ее на орбиту. Сегодня ее возврат состоится через шестнадцать минут после десятого рассвета.

Я запустил второй цикл.

Струи воздуха ударили Минга со всех сторон вдоль периметра шлюза. Минг мотнул головой, оттолкнулся от корабля и влетел обратно в базовый «Тяньхэ». Воспользовавшись его оглушением, я запустил третий цикл. Шлюзовые колпаки опустились, навсегда отрывая меня от того ада, в который превратилась гордость Поднебесной.

Корабль тряхнуло, я увидел, как станция стала отдаляться. В иллюминаторе я видел рычащего и вопящего Минга, который продолжал летать взад-вперед и избивать рычагом все вокруг. Смерть тоже затягивала петлю на его шее. Он

умрет либо от голода, либо от скорого падения станции на Землю. Топливо в двигателях осталось всего на двести шестнадцать часов полета, после этого станция не сможет больше выравняться на орбите и поддастся гравитационному притяжению Земли. Станция частично сгорит в атмосфере.

Корабль затрясло, я вновь вернулся к координационным кодам «Шеньчжоу». Многоразовый корабль выдержит возвращение на землю, но мне необходимо направить его в расчетное место посадки. Я не знаю, что происходит на земле, а потому выбрал место посадки недалеко от населенных пунктов, чтобы позвать на помощь, и недалеко от гор, где можно спрятаться.

Мое имя Кингшенг означает «празднование рождения». Я не верю, что бог подарил мне это имя просто так. Он уготовил мне судьбу еще до моего рождения и дал мне знак моим именем, что в момент критической опасности я обязательно выживу. Эта мысль помогает мне побороть страх.

Корабль стало трясти сильнее, через маленькие иллюминаторы пробивался яркий оранжевый свет – плазма, объявляющая корабль, как огненное одеяло, пока я падал в тяжелые слои атмосферы. Я не знаю, должно ли трясти так сильно, помню только теорию. Это была моя первая миссия, опытом я не обладал.

Восемьсот сорок один день на станции.

Семнадцать минут до посадки.

Три тысячи градусов – температура поверхности корабля

при аэродинамическом торможении.

А потом на табло индикаторов замигал первый отказ системы вентиляции. Перегрев. Я не мог себе помочь. По мере падения пульта управления все больше и ярче горели и мигали красными знаками предупреждения. Слишком долго корабль оставался без обслуживания, слишком сильно я истощен, чтобы проконтролировать правильность всех системных алгоритмов. Я медленно поджаривался.

А потом что-то резко дернуло меня в сторону, все закрылось, как будто корабль подвязали к карусели. Ярко горела надпись об активации парашюта, но что-то с ним было не так, потому что посадка превратилась в избиение корабля.

Писк сигнализации, свист воздуха, завывания снаружи, непонятный грохот, удар...

Еще удар...

Удар...

Удар...

Скрежет. Вой металла. Стук. Снова толчок.

Чернота.

Сознания нет... я умер... я не здесь... боль... везде боль.

Лес. Лес? Лес. Это лес. Прямо перед глазами. Черное стекло. Трещина. Лес. Пахнет лесом. Это лес... лес... цай шулин ли¹... шулин... лин... лин ... лин²...

¹ С кит. «я в лесу»

² С кит. «лес»

Глава 1. Новое начало

6 февраля 2071 года 09:00

Тесса

Утренняя пробежка подходила к концу. Зелибоба лидировал, Перчинка шла вторая, я же безнадежно от них отстала. И хотя у этих двоих было больше времени привыкнуть к холмистому маршруту посреди зимнего леса – они уже четыре года изучают окрестности Бадгастайна, организовывая терренкуры для его обитателей – отставала я вовсе не по причине незнания маршрута. Полторы недели назад Кейн вколол мне сыворотку, мой организм медленно восстановил антивирусный гомеостаз, и, как оказалось, вместе с сопротивлением заражению пришли человеческие качества. Я потеряла в выносливости и сноровке, пулевые отверстия в бедре, что я получила во время эвакуации людей из Желявы, до сих пор заставляли хромать, я с завистью смотрела, как Зелибоба тягал штангу в сто пятьдесят килограмм, потому что сама едва могла выжать полсотни.

Кейн вернул меня в начальную стадию заражения, а значит, я стала ближе к человеческой норме.

Мы до сих пор не знаем, насколько хватит действия сыворотки. Она не порождает рецидив. Мой организм с каждым днем постепенно поддается атаке вирионов. Все, что мы можем делать сейчас, это измерять время до возникновения

ОВС. Острый вирусный синдром – научный термин, которым Кейн обозвал момент критически низкого сопротивления организма жажде. Я не ученый. Я солдат. И я этот момент называю «без трех минут кровожадный убийца без мозгов».

Жизнь превратилась в скачкообразную синусоиду, где на оси X бесконечно тянется время, а на нижнем экстремуме функции по оси Y ждет монстр. Наша задача – не достигать нижнего экстремума, потому что за его пределами человек забывает себя и превращается в хищника.

Лилит – наша первая пойманная особь – до сих пор не очнулась ото сна, в котором ее сознание под действием сыворотки медленно возвращалось на трон, смещая заразные вирионы. Уже полторы недели я каждое утро стою возле плексигласового бокса, где безмятежно спит Лилит, и все жду, когда она проснется. Лилит – наше сокровище. Именно она докажет эффективность теории Кейна о трехкомпонентной сыворотке.

– Клянусь, еще бы минута и я бы побежал за тобой обратно вот с этими санками, – произнес Зелибоба.

Они с Перчинкой стояли на крыльце гостиницы «Умбертус», ставшей нашим домом, и насмехались над моей тяжелой одышкой.

Я взглянула на детские санки, которые стояли возле входа, и, запыхавшись, спросила:

– Почему раньше не додумался?

Легкие горели, лицо щипало, печень стонала, а почки сварились вкрутую после часового бега по сугробам и холмам.

– Негрустишка, – Перчинка похлопала меня по плечу, – в конце концов, ты же не можешь быть лучшей во всем.

С этими словами да еще с ухмылками в придачу оба вбежали внутрь.

В холле меня уже ждала куча людей, от которой я пыталась скрыться на пробежке. Но мудрый дядя Питера Паркера³ произнес великую цитату, изменившую мою жизнь «С большей силой приходит большая ответственность». Именно эта цитата красовалась на трусах с Человеком-пауком, которые Хайдрун сшила для меня из детских простыней, когда я только появилась под их крышей. Амбиции спасти целый мир от заразы тонули под атакой ежедневной рутины, обещающей вогнать меня в депрессию.

– Тесса, мне не хватает рук в кухне! Попробуй приготовить еды на двести пятьдесят четыре рта два раза в день! – первым возник Свен, сложив руки на груди.

Он батрачил в кухне день и ночь, чтобы прокормить резко увеличившееся население нашей гостиницы. Полторы недели назад мы вывезли из разгромленной Желявы двести тридцать восемь человек. Мало спасти их жизни от неминуемой смерти, теперь эту жизнь надо было поддерживать, потому что люди по-прежнему были заперты в подвале без разрешения выйти на поверхность.

³ Питер Паркер – дядя Человека-паука

В принципе вся рутина теперь и состояла в том, чтобы поддерживать жизнь людям. Обстоятельства резко обрубили мои планы спасти весь мир от вируса, потому что я с трудом справлялась с человеческим дерьмом. Причем реальным дерьмом, о котором мне уже возвестил Фабио.

– Мы установили всего четыре унитаза на две с лишним сотни человек, канализация не справляется! У нас ни фильтров, ни реагентов, чтобы уничтожить запах!

– А на него каждый день сбегаются зараженные. Они уже все подножие горы облепили, как мухи, – добавляла Арси.

– А еще у нас кончились медикаменты: сорбенты, анальгетики, противовоспалительные, – поддакивала Хайдрун.

Я шла мимо ребят, не зная, что им ответить.

– Тесса! – обиженно воскликнула Куки.

– Что? – резко ответила я. – Все, что я слышу от вас, это проблемы, и хоть бы один предложил решение!

Я заперлась в своей комнате, не торопясь приняла душ, потому что считала, что имею право, черт возьми, хоть немного пожить для себя, а не для каждого просящего. А потом меня тут же атаковала моя совесть, напомнившая о том, что у меня есть личная душевая, в то время как у двух сотен людей, запертых в подвале гостиницы, есть лишь один шланг с водой.

– Черт! – выругалась я и выключила воду.

С каждым днем обстановка накалялась, а я по-прежнему не знала, как ее решить. Я ступила в тот же круговорот дерь-

ма, что существовал на Желяве – нам необходимы ресурсы. Того, что каждый день привозили мы с Перчинкой, Зелибобой и Томасом, критически не хватало, но я не могла выпустить Падальщиков на поверхность, потому что у подножия гор нас ждала плотная стена зараженных, которую человеку ни за что не пересечь. Так на моей шее затягивалась петля: с каждым днем нужда в поверхности возрастала, и с каждым днем зараженных вокруг горы становилось все больше.

– Чтоб тебя! – снова выругалась я и вышла из ванной комнаты.

В спальне меня встретил брат. На его измученном от недосыпа лице читался длинный многосложный упрек.

– Что? Тоже пришел сказать, что все плохо? – я опередила его жалобу.

Он нахмурился.

– Эй, я с тобой на одной стороне, – устало ответил он. – И вообще-то у нас прорыв.

Я не сразу осознала его последнюю реплику и даже отвернулась, чтобы нацепить трико и футболку, а потом до меня дошло. Я подпрыгнула к Томасу и сжала его плечи.

– Получилось?! – воскликнула я.

– Что-то сварили они там... Кейн ждет тебя в лаборатории.

Я обняла брата крепко-крепко и радостная побежала в лабораторию.

Двести пятьдесят четыре спасенные жизни, но не все они

беззащитные котятка. Мы спасли не только простых жителей и детей, но и солдат, аграрников, инженеров, компьютерщиков, а самое главное – ученых, и среди них главным нашим трофеем стал генетик Маркус, который сразу же предложил свои знания нам в помощь. Миша, Фабио, Ульрих и Томас тотчас же собрали из подручных материалов герметичный отсек внутри лаборатории Кейна, куда без права выхода заселили Маркуса с его помощником Фиделем и их ассистентами.

Я ворвалась в лабораторию, хлопнув дверью, объявляя о своем прибытии.

– Мы здесь, – позвал Кейн.

Я прошла вглубь, где в боксе жили ученые. В соседнем плексигласовом боксе спал Геркулес – зараженный, чей генетическим материал стал последним звеном в сыворотке. А еще он был моим личным трофеем, я с мазохистским удовольствием рассказывала Падальщикам, как сцепилась с ним голыми руками. Не знаю, о чем я думала в тот момент, но я была под действием человеческой крови, а для зараженного это настоящий наркотик, который башню сносит напрочь.

– А, Тесса! Рад тебя видеть.

Маркус был высокого роста, носил прямоугольные очки, волнистые волосы до плеч, тронутые сединой. Фидель же был точной противоположностью: низкий, пухловатый, уса-тый. Объединяло их между собой нечто гораздо более глубокое, нежели внешность – безудержная отвага и неутоми-

мое любопытство. Что-то мне подсказывало, что, если бы я не стала Падальщиком, я бы стала таким ученым, как они.

– Привет, Маркус, Фидель, ребята. Пожалуйста, скажите, что случилось! – взмолилась я.

– Сегодня мы готовы тебя обрадовать. Смотри.

С этими словами Маркус обильно смазал ладонь прозрачным гелем и подошел к окошку, ведущему из его бокса в соседний, где спал Геркулес. Я затаила дыхание.

Маркус отпер замки один за другим и просунул руку, у меня остановилось сердце. Но дальше Маркус решил конкретно дух из меня выбить, потому что поднес палец прямо под нос Геркулесу. Тот не реагировал и продолжал спать.

– Обалдеть! – выдохнула я.

Маркус был доволен моей реакцией, как и все остальные. Но больше всего, конечно, они были счастливы получить столь успешный результат.

– В среднем действие линимента продолжается четыре часа. К тому времени он полностью впитается в кожу и защита исчезает, – объяснил Кейн.

– И это не опасно для людей?

Маркус замотал головой.

– Линимент впитывается лишь в самые верхние кожные покровы, блокирует потовые железы и покрывает тело герметичной пленкой. Чем больше человек двигается, тем активнее работают потовые железы и тем быстрее смывается камуфляж.

Мне не терпелось испробовать препарат, и я уже прыгала от ожидания грядущей вылазки.

– Поверить не могу, что вы так быстро создали рецепт, – сказала я.

Фидель улыбнулся.

– Состав разрабатывался больше десяти лет. Проблема была в том, что, пока мы жили на Желяве, мы не могли его испробовать. Мы проводили эксперименты с частями тел инфицированных особей, что вы – Падальщики – приносили нам с поверхности, вопреки недовольства Генералитета.

– Мы проводили тесты на реакцию в чашках Петри, где смешивали линимент с инфицированными тканями, но от этого результаты страдали критически. Теперь же, когда мы можем экспериментировать с живыми особями, я уверен, что ты добьешься своей цели.

Я посмотрела на Маркуса, он добавил:

– Мы все справимся с задачей. Мы вылечим людей.

Я чуть не расплакалась. Человек, с которым я знакома всего десять дней, подхватил мою правду, что я несла на плечах в одиночку. До этого момента я и сама не до конца верила, что столь амбициозный план осуществим, теперь же моя уверенность крепла с каждым успешным опытом в стенах лаборатории, с каждым согласием моих друзей и бойцов следовать за мной, с каждой улыбкой, с которой они встречали мои слова о том, что наше поколение окончит войну с вирусом.

Через несколько минут воодушевленная я сидела в углу подвала, смердящего людским потом и экскрементами до рвотного рефлекса. Люди не замечали запаха, в котором жили, но они замечали его на моем лице.

– Так, так, так, смотрите, кто соизволил спуститься к бомжам, – встретил меня Фунчоза.

Падальщики собрались на одном пяточке подвала, ставшем их новым домом. Ребят было жаль до скрипа сердца. Несмотря на то, что их обеспечили едой, матрасами, чистой одеждой, их не обеспечили смыслом жизни. Они с вожделем смотрели на свою экипировку, висящую на стене без надобности, и отчаянно хотели вновь ощутить на себе двадцать шесть килограммов неуязвимости и отваги.

– Пока ты нежишься посреди белоснежных простыней на берегу океана с бокалом мерло, мы тут пытаемся решить насущные проблемы! У нас завелся Ночной Жрец! – выплюнул Фунчоза.

Я нахмурилась.

– Новая религия? – предположила я.

Для полного счастья нам не хватало лишь религиозных междоусобиц.

– Нет! Кто-то жрет ночью! Прямо вот тут посреди нас! По ночам то и дело слышу «хрум-хрум, хрум-хрум». Прямо как будто в мозг въедается! И это не крыса! Все облазили, каждый закуток, каждую нору! Нету Джерри! Нету! Вот смотри, что нашли!

Он поднес к моему носу указательный палец, на котором лежала...

– Крошка! Это ржаная крошка! Ночной Жрец жрет ржаные хлебцы, не делись с нами!

Я оглядела ребят с ухмылкой, но потом поняла, что они все смотрят на меня серьезными взорами и кивают. Загадка Ночного Жреца была для них насущной проблемой. И ровно в этот момент я осознала, что их надо срочно выводить в мир на поверхности, иначе у них тут конкретно крыша съедет.

– Есть план, – начала я, не желая терять времени на перепалку с Фунчозой.

Я показала флакон с прозрачной мазью.

– Спасибо, но обойдусь без вазелина. Меня еще не начали долбить тут в зад.

– Фунчоза, заткнись, – выругался Антенна.

– Это линимент, который скроет ваш запах от зараженных.

Миша с Фабио повесили в подвале сорокадюймовый телевизор, и теперь я могла демонстрировать солдатам карты местности и разметку территории.

– У подножия гор собралось больше трех тысяч зараженных, – я указала на карту, – Перчинка, Зелибоба и я отвлечем их приманками, уведем подальше от гор. Вы сможете выехать на Аяксах из плотного окружения. Линимент скроет ваш запах, и вы доберетесь до цели.

– И какова цель? – спросил Калев.

Я ответила, чуть погодя:

– Желява. Это ближайший к нам склад всех ресурсов.

Лица ребят напряглись. После бойни десять дней назад там остались тысячи трупов. Отныне Желява была братской могилой, а также опасным местом обитания хищников, питающихся падалью. Но выбора у нас не было.

– Будем грабить родной дом, – выдохнул Муха.

Сержанты Буддиста – Муха и Хумус – острее всего переживали предстоящее злоключение, ведь во всех религиях беспокоить мертвых запрещено.

– Мы же Падальщики, нам все равно, что грабить, – заметила Вьетнам.

Практичность Васаби всегда была точно в цель.

– Нам придется строить новый дом на костях старого, – добавил Буддист.

Мы все притихли. От этой мысли становилось не по себе. Каждый представлял, что придется испытать, когда ступим на братский могильник, в котором навсегда упокоились души тысяч невинных желявцев, погибших по воле судьбы.

Ну или если быть честным, то погибли они по воле психопата, возомнившего себя вершителем судеб, раз природа наградила его мутировавшей ДНК, которая позволяет ему выживать среди чудовищ. Я такая же как Маргинал. Нас здесь шестнадцать человек таких, а в скором времени станет еще больше. И ни одному из нас в голову не пришла идея устроить геноцид, потому что мы, видишь ли, сильнее и живучее.

За всю историю человечества таких психопатов рождалось немало, и ничего кроме страдания и боли они не сеяли на этой земле, как бы ни хотели очистить генофонд. Все происходило как раз наоборот. После тех зверств и резни, что они чинили, оставшиеся в живых лишь еще больше объединялись и клеймили позором любые попытки вывести чистую расу. Мораль побеждала. Здравый рассудок побеждал. Сострадание побеждало. И сегодня в этой войне не будет исключений: мы принесем победу милосердию.

– В первую очередь займемся герметизацией гостиничного крыла. Томас, покажи.

Я уступила место брату, который тут же активно заиграл пальцами над клавиатурой и уже демонстрировал черновые схемы, что они приготовили с нашим мини-отрядом инженеров.

– Восточное крыло стоит обособленным сооружением, соединяется с остальной частью гостиницы коридором на первом этаже. В крыле два наземных этажа: ресторан и спальни, а также подвал с холодильными камерами. Придется немного потесниться, но мы сможем разместить всех двести тридцать восемь человек на одном этаже. Там шестнадцать номеров разной вместительности с собственным санузлом, в каждый номер поселим по восемь-десять человек.

– То есть целый унитаз на десять человек, а не ведро на сотню?! Хвала Аллаху! – Фунчоза воздел руки к небесам.

Чем вызвал недовольные гримасы Мухи. Его настоящее

имя – Мухаммед, и его религия не терпела ни иноверцев, ни тем более богохульств в сторону его бога.

– Погоди, то есть жилой этаж будет над землей? Я думал, мы собирались продолжать кротовничать, – недоумевал Антенна.

Мы с Томасом переглянулись. Этот подарок он объявит им сам, потому что это была идея ребят: Томаса, Ульриха, Фабио и немого Миши.

– Мы подумали, что если вы заедете на оптический завод здесь неподалеку и привезете сотню плексигласовых листов, мы сможем герметизировать все два этажа восточного крыла, – с довольной улыбкой произнес Томас.

– Стоять! – тут же замахал руками Легавый. – Ты хочешь сказать, что мы будем спать на втором этаже?! С окнами?

– Плексиглас немного размочит вид, но да. У вас будут окна с видом на синее небо, зеленые леса и заснеженные горы. Категория люкс и все такое.

Ребята тут же оживились, ведь они мечтали об этом всю жизнь. Они переглядывались, хлопали друг друга по плечам и не переставая улыбались.

– Это неопасно? – Ляжка хмурилась одна из немногих.

Самыми приземленными из Падалыщиков всегда были Бесы.

– Мы долго проводили расчеты, – брат почесал затылок, – и пришли к выводу, что даже если что-то и будет просачиваться через щели между листами, то этого недостаточно в

условиях гор. Ветер разнесет запах задолго до подножия, где собираются зараженные, а в горах, как вы знаете, они практически не могут существовать из-за анемии.

– К тому же Маркус и Фидель продолжают работать над фильтрующим куполом. Они изготовили эффективный прототип ферментированной прокладки. Геркулес не смог учуять отфильтрованный человеческий запах. Ребята уже начали установку профилей для возведения купола над внутренним двором «Умбертуса». Если купол докажет свою эффективность, можно будет расширить его диаметр, – добавила я.

– Поверить не могу, – выдохнула Бридж. – Еще недавно мы изучали схемы этих разработок на экране монитора на Желяве, и это казалось чем-то невероятным, недостижимым даже. И вот теперь...

– Это происходит в реальности, – вставила подошедшая к нам Алания.

Мы кивнули друг другу в знак приветствия и улыбнулись.

Именно отважная Алания подпольно встречалась с Маркусом и Фиделем на Желяве, чтобы потом передать их научные разработки Падальщикам. Лишь после того, как ребята получили эту надежду на жизнь на поверхности, они взяли в руки винтовки и пошли штурмовать штаб Генералитета.

Психи. Просто психи.

У меня бы никогда не хватило смелости претворить в жизнь бунт, основанный на голой теории. Триггер это знал, а потому давил на меня годами, обрабатывал, мариновал и

не остановился даже тогда, когда потерял меня, а просто использовал Калеба со всей его ослепляющей болью. Падальщики вышли бороться за ту теорию, что смотрела на них с чертежей и непонятных математических формул, они даже не знали наверняка, сработает ли это все в реальности. Но Падальщики всегда служили метафорой надежды, и вот теперь они все здесь, и мы отвечаем им: «Да. Сработает». А это значит, что они боролись, жертвовали и терпели боль не зря.

– Ну а для того, чтобы сменить ведро на унитазы и спать под открытым небом, нам нужно серьезно поработать, – я вернула всех из заоблачных мечтаний.

К моему облегчению ребята стали более покладистыми, и даже Фунчоза прекратил попытки дестабилизировать ситуацию и тоже присоединился ко всеобщим усилиям сделать из этого места первое безопасное наземное поселение, возведенное совместными усилиями людей и мутантов.

На следующий день, когда я пришла в подвал ровно в восемь утра с целым ящиком приготовленного учеными линимента, я не увидела ожидаемых депрессивных нытиков. Не знаю, спали ли Падальщики вообще, потому что к моему приходу они уже всю натягивали экипировку, весело гогоча.

Как же я соскучилась по ним.

Они предвкушали миссию, новые подвиги, надежда снова расцвела в нашем новом доме, а я наполнялась силами, питаюсь ею. Падальщики никогда не остановятся. Движение

для нас – смысл бытия. Мы не можем сидеть без цели, без дела. Прогресс – наша пища.

К стандартному набору процедур по сбору в миссию добавилось использование линимента, который ребята тщательно втирали в каждый сантиметр тела. За его теоретический рецепт они тоже боролись в день бунта, а теперь вот пожинают плоды своего успеха в реальности. Я вдруг осознала, что наши взаимоотношения с Кейном аналогичны: он создает модели в своем творческом уме, а я же претворяю их в жизнь. Два обязательных звена победы, и каждое звено должно непоколебимо верить в правоту партнера. Я верила Кейну. Со всеми его ошибками и недостатками он все равно вел нас к победе.

Воспользовавшись случаем, я подошла к Алании.

– Как поживаете здесь? – спросила я после традиционного объятия.

Она как всегда одарила меня скромной улыбкой.

– Живы, и на том спасибо.

Ее мягкость и простота всегда импонировали мне. Я завела ей за ухо прядь седых волос, выбившихся из растрепанной косы. Алания ни на секунду не оставляла заботу о своих деревенских подопечных, распространяя свою доброту и любовь на всех, даже на желявцев, которых она не знала. Под ее чутким надзором и методичным контролем людям удалось сохранить веру в лучшее, а потому с самого первого дня, что они были заперты здесь в душном подвале с ограниченным

количеством воды и еды, они продолжали работать – помогали инженерам мастерить ... Труд спасал их от гнетущих мыслей, так они и прожили почти две недели, чтобы наконец увидеть просвет в этом затхлом подвале. Воображаемый свет обещал им поверхность.

Здесь было около четырех десятков детей, которые острее остальных реагировали на заточение, но женщины окружили сопляков материнской заботой, даже не являясь никому из них матерями. У нас было около четырех десятков сирот.

Анника была главной няней детсада, малышня и даже подростки собирались вокруг нее, чтобы поиграть в считалочки, игры на кулачках. Нежный голос женщины разучивал с детишками стишок:

– Дятел – тук-тук-тук- стучит,

На кого-то всё ворчит:

«Сами в гости приглашают,

А потом не открывают»!

Малыши с интересом следили за руками Анники и повторяли за ней, изображая дятла на дереве.

Женщины отвлекали их, как могли.

– Скоро станет гораздо легче. Потерпите еще немного, – я пыталась приободрить.

– Я знаю.

Алания положила руку мне на плечо.

– Я верю в тебя, – произнесла она.

И рука ее вдруг резко стала тяжелее тонны на две.

– Мы все стараемся, Алания. Это не только моя заслуга, – бросила я резко.

Алания улыбнулась еще шире и убрала руку.

– Тигран всегда видел людей насквозь. С первого взгляда мог понять суть человека: этот лентяй, тот завистник, этот прирожденный благодетель. Я не поверила ему насчет тебя. И ошиблась.

Я опустила глаза. Почему-то разговор с ней стал сильно напоминать разговор с Тиграном в тот день в деревне. Если бы я только знала, что после того разговора я больше никогда не увижу Тиграна, я бы расспросила его тщательнее обо всем, что он знал, о всей его жизни. Как нацист разведчика. Вытащила бы клешнями даже то, чем бы он не хотел делиться.

– В ту ночь мы с ним не спали, и он говорил о том, что вы – Падальщики – новое поколение борцов за наше будущее. Не потому что в руках у вас винтовки, а тело спрятано за листами брони. А потому что сердцем вы искренне верите в то, что каждый человек заслуживает право на сострадание, а потому вы не скупитесь на него и раздаете его всем, кто нуждается.

Я слушала с замершим сердцем, как если бы Тигран ожил и говорил сейчас со мной. Так Алания походила на него.

– Люди пойдут за вами, не потому что вы им прикажете, а потому что увидят в вас теплый обнадеживающий светоч маяка посреди бури. Триггер и ему подобные не переживут

этот переходный момент. Они останутся в прошлом. А вы, – с этими словами она ткнула пальцем мне в грудь, – вы пойдете в будущее и остальные потянутся за вами.

– Спасибо, Алания. Твои слова наполнены надеждой, и мне становится страшно, что я их не оправдаю.

– О, даже не сомневайся в себе! Тигран говорил, что ты совсем иная. Теперь я это понимаю.

– Почему иная?

– Потому что твое сострадание гораздо шире. Ты готова жертвовать не только ради людей, но и ради тех кровожадных монстров, в которых по-прежнему видишь людей.

– Но ведь это правда! Их всех можно вернуть!

– В этом твоя сила. В твоей вере! Не изменяй ей и иди до конца. Борись за нее и жертвуй. Потому что только безграничное сострадание, которое распространяется на всех живых существ, поможет нам выйти их кровавого хаоса.

Я вновь обняла Аланию и вдруг поймала себя на мысли, что она такая худенькая и маленькая, прямо как моя мама. Мне было всего восемь лет, но я уже понимала, что моя мама миниатюрная и аккуратная. Алания стала походить на нее. Может, в реальности, а может, лишь в моей голове, потому что я так отчаянно нуждалась в родном доме.

Падальщики один за другим стали покидать смрадный душный подвал, как вдруг раздались хлопки. Они набирали мощность с каждой секундой, словно волна постепенно заражала людей, а потом отовсюду раздалось гудение и радост-

ное улюлюканье. Люди торжественно хлопали в ладоши, махали нам, приободряли и кричали, что любят нас.

Я чуть не расплакалась. Еще никогда Падальщиков не провожали в миссию так дружно и так восторженно.

– Они рады, что мы валим отсюда или они рады, что мы валим отсюда? – спросил Фунчоза.

Станным образом его фразу поняли все: люди радовались большому количеству воздуха в подвале или тому, что мы снова выходим в миссию, чтобы продолжать бороться?

В ответе мы не нуждались.

Люди скандировали «ПАДАЛЬЩИКИ!» и радостно махали нам, как дети, провожающие своих родителей в поход. Ну а мы чувствовали себя солдатами на параде: достойные похвалы и дифирамбов. Людское обожание зажгло в нас надежду с новой силой, она больше не была едва заметным фитильком, а горела светом тысяч факелов – ярких, обжигающих и грозных.

Слова Алании тоже перестали быть теорией и превратились в реальность. Еще никогда Падальщики не чувствовали себя такими нужными для слабых, угнетенных, просящих. И еще никогда я не чувствовала себя такой уверенной в том, что иду верной дорогой.

Ребята поднимались по ступеням в холл гостиницы, весело обсуждая предстоящую миссию, кто-то разглядывал внутреннее убранство «Умбертуса», другие неотрывно глядели на тяжелые входные двери со стальным засовом.

Еще никогда они не пересекали защитные ворота так легко, как сегодня, но и старые привычки никуда не делись: выходя наружу, каждый стучал по косяку двери на удачу.

На крыльце гостиницы ребята задержались. Я сперва даже не заметила, что они отстали, продолжала твердо вышагивать к снегоходу Арктик Кэт, который Ульрих назвал Киской, и теперь мне жить с этим проклятьем до конца времен. А когда я наконец осознала, что шаги ребят затихли, обернулась.

Эта картина навсегда застрянет в моей памяти: ребята столпились у дверей прямо под деревянной табличкой с названием гостиницы «Умбертус», уже подточенной и измученной временем, и смотрели на мир вокруг. Они жадно пожирали глазами безграничные пейзажи заснеженных Альп: вздымающиеся холмы тут и там, острые пики гор, разрезающих небо так небрежно и в то же время так естественно, запорошенные овраги и темные ущелья, плотные леса покрывали горы своими снежно-черными силуэтами спящих деревьев – где-то голые лиственные, где-то вечные зеленые, и вокруг всего этого пейзажа чистый ясный фон голубого неба, изредка сокрытого пузатыми облаками, готовыми излиться своими пушистыми внутренностями на ледяную землю.

Я уже два месяца жила на поверхности и удивлялась тому, как быстро привыкла к ней, ведь она мне чужда, это не моя родина. Я родилась в затхлых мрачных отсеках подземной Желявы, которую до сих пор считала домом. Все, что я

наблюдала здесь и сейчас, казалось правильным и естественным, потому что мы наконец вернулись в ту жизнь, которая была уготована человечеству с самого начала.

Жизнь создала нас, как вид, лазающими по деревьям в непроходимых джунглях, мы кротко совершали шаг за шагом в сторону открытых степей, оборачиваясь по сторонам в страхе от хищников, мы были частью природы, подчинялись ее жестоким законам, мы уважали и блюли равновесие в экологических нишах, а потом пошли на поводу своей жестокости и алчности. Мы рушили природный эквиглибриум, стремясь вырваться из законов природы, считая, что примитивные животные не могут нам быть равней. Человек возмнил себя богом, посягнул на право создавать и кроить мир по своему хотению, как глупый ребенок, до конца не осознавая могущество, против которого вышел на ринг.

Мы проиграли и были согнаны с земли совершенно справедливо. Кровавые жертвы, которые сопровождали наше возвращение на поверхность, тоже казались естественными.

Начался снег. Такой легкий почти невесомый, он мягко опадал на нас, тотчас же таял на броне, оставляя прозрачную слезинку, которую хотелось утешить. Фунчоза с Рафаэлкой первыми спустились с крыльца, высунули языки, и стали ловить снежинки ртом. Я не могла обозвать их занятие глупым, потому что сама втайне ото всех иногда занимаюсь тем же самым. К ним присоединились остальные солдаты, весело гогоча, они запрокидывали головы, устроив охоту на

снежинки. А потом кто-то кого-то толкнул, второй ответил, задели третьего, тот – четвертого и началось.

Задорный смех залил парковочную площадку, обозначив начало войны. Граница прошла точно между пятью отрядами бойцов, и первые снежки полетели в противников. Снег был хороший цепкий идеального состава для лепки комочков. Снежные ядра летали повсюду, как и истеричный смех солдат.

– Я тебя убил! Ты выбыл!

– Я тебя первым убил!

– Нет я!

– Я первый!

Как всегда это бывает в игрушечных войнушках самое сложное – это доказать, кто кого убил первым. Спорили до хрипоты в глотках, а потом понимали, что это бесполезно и снова брались за снежное оружие разного калибра, размер которого напрямую зависел от размера бойцов. Рафаэлка лепил самые большие и тяжелые снежища, метко выстрелив, ими можно было вывихнуть челюсть. Зато Буддист со своими сержантами Мухой и Хумусом были самыми жилистыми и проворными, а потому втроем соорудили пулемет: Муха с Хумусом лепили ядра, а Буддист безостановочно обстреливал врагов. Калёб объединился с Антенной и уже руками проделывал подкоп в сугробах, чтобы окружить противников и подло обстрелять со спины. Больше всех халтурили Бридж с Ляхой, как впрочем и всегда, они хохотали и кри-

чали «я в домике!».

А потом противостояние резко набрало оборотов, потому что из-за углов гостиницы высыпали давние жильцы «Умбертуса»: Томас, Ульрих, Миша, Фабио присоединились к Бодхи, Перчинка и Зелибоба – к Васаби, красавицы Хайдрун с Куки несли залежи наклепленных снежков для всех подряд, потому что всегда играли за все стороны. Уже почти сорок человек устраивали массовое побоище, залиvistый смех мог разбудить не только зараженных на подступах к горам, но и медведей и даже самого дьявола. Вот только никто больше не боялся ни первых, ни третьего, и все были уверены, что с медведем тоже удастся договориться. Это-то и доставляло больше всего удовольствия: уверенность в своих силах, отсутствие страха, вера в победу. Падальщики ничего из этого не потеряли, на то они и Падальщики – вечная надежда для осиротевших и убогих.

Я забралась на Аякс Маяка подальше от хаоса, с трёхметровой высоты противостояние вырисовывалось ярче: лучи снежков имели четкие разветвления – результат профессиональных навыков убийц, безупречно целящихся во врагов. Задор заразил и меня, я хохотала вместе с самыми слабыми бойцами, чье ржание лишало их сил продолжать. А потом поняла, что выдала свою позицию, когда мне в лицо угодил ледяной кулак. Черт! Как же больно они бьют! Но еще сильнее било осознание того, что я получила нож в спину от своего же: довольный своей меткостью Калёб стоял посреди су-

гробов и ухмылялся. Негодяй!

– Эй! Объявляю охоту на ведьму! – закричал Фунчоза, указывая на меня.

Я обомлела.

– Что?! – удивилась я.

– Она ржет над нами!

– Думает, что самая умная!

– Вмазать ей!

Самый настоящий страх одолел меня, когда я увидела, как быстро они все объединились против меня. Неужели они настолько меня ненавидят?!

– За что? – крикнула я.

– Вечно умничаешь!

– И выпендриваешься!

– А еще у тебя есть собственная кровать!

– Сжечь ведьму!

Я не успела среагировать, и в меня уже летели ряды снежков со всех сторон. Уверена, они вложили всю силу в эту атаку, потому что меня сбило с ног и я полетела вниз с Аякса. А по ту сторону БМП раздался вопль экстаза четырех десятков голосов, среди которых отчетливо слышалась ругань Фунчозы:

– Тебя никто не любит! Ты всех бесишь!

Ликующий ор победителей продолжался задорным смехом и веселыми выкриками, а потом надо мной появился силуэт Калеба.

– Жива? – смеялся он.

– Калерб, за что? – прокряхтела я, лежа в сугробе.

Там, куда ударили снежки, разрастались синяки, потому что моя экипировка облегченного типа. Нам – зараженным – нет нужды прятаться за многослойной броней.

– Ты же вечный козел отпущения. Всегда остановишь наши раздоры.

Он протянул руку, я сжала, он легко вытянул меня в вертикальный мир. Я засмеялась. А ведь и вправду, я всегда принимала удар на себя, лишь бы помирить идиотов, просто потому что в единстве наша сила. Генерал часто повторял эту фразу. Удивительно, как исковеркал ее смысл Триггер, убив своего старого друга. Удивительно, как исковеркали ее смысл мои собратья, объединив свой гнев против меня. Мое поражение стало символом их союза. Так было всегда, и я была не против, потому что выполнила свою задачу.

Падальщики снова вместе.

Через десять минут вереница Аяксов выехала из ворот «Умбертуса» сначала на мертвые улицы Бадгастайна, а потом нырнула в плотные леса, где пряталась смертельная угроза, которая уже не казалась непобедимой.

7 февраля 2071 года 12:00

Полковник Триггер

Подземный завод «Нойштадт» под Штутгартom стал мой новым домом. Крепкие стены подземных туннелей внуша-

ют доверие, несмотря на то, что он был воздвигнут больше ста лет назад. Немцы знали толк в постройках укрепительных сооружений, размах и амбиции Третьего Рейха до сих пор спасают человечество от опасного врага. Подземные заводы для производства авиационных двигателей, лаборатории по изучению ядерной энергии, атлантический вал от Норвегии до Испании, многочисленные бункеры. Грандиозность рейхстагской архитектуры доказывается долголетием «Нойштадта», который пережил удары авиабомб союзников, а теперь уже сорок лет противостоит натиску кровожадных монстров.

Генерал Аль-Махди вернулся с зухра⁴. Здесь все семь тысяч жителей читают молитвы по расписанию пять раз в день. Мусульмане прославляют Аллаха, православные – Божию Матерь, католики – Ангелов Господня, евреи восхваляют бога, запрещая произносить Его имя вслух. Религия превратилась в действенную психотерапию, тут и подумать не могли о том, что население может бунтовать, как на Желяве. Я еще не понял, это сила веры в бога или же страх перед приказами Аль-Махди. Генералитет Желявы проигрывал суровой дисциплине Нойштадта на два десятка лет, потому что смертная казнь здесь существовала с самого первого дня заточения. Ничто не пугает людей так, как страх потерять собственную жизнь, пусть она даже никчемная и бесполезная.

⁴ Зухр – полуденная молитва мусульман, входит в число пяти обязательных ежедневных намазов.

Но это все, чем мог похвастать Нойштадт. Завод вплоть до начала эпидемии являлся военно-стратегическим объектом и использовался для производства боеприпасов. Укрепленные шахты были воздвигнуты еще в период Второй Мировой Войны, и до сих пор ни одной трещины не дали. Да, здесь надежные стены, оборонительные системы наделены более глубокими алгоритмами искусственного интеллекта, оснащение жилых блоков и оранжерей далеко от истощения запаса прочности. Но сорок лет назад Аль-Махди попал на полностью обустроенную базу, ему не пришлось потеть и умирать столько, сколько выпало на долю строителей Желявы. Мы собирали ее по кирпичу, заново прокладывали инженерные сети и системы жизнеобеспечения, сами собирали агрегаты поварских цехов и компьютерные сервера. Командосы, которых десять лет позже назвали Падальщиками, обменивали свои жизни на сырье, добытое снаружи, чтобы создать с самого нуля то, что в Нойштадте на тот момент уже работало и спасало человеческие жизни. Испытания, выпавшие на долю желявцев, не сломили их, а наоборот – закалили. Мы стали сильнее, ловчее, осторожнее, мудрее, мы исследовали врага каждую вылазку, счет которых в сотню раз больше нойштадтских. Эти неженки нам в подметки не годятся, а их гордость за самих себя застилает им глаза, они далеки от осознания реальных угроз и все это время живут в негемой мнимой безопасности, высокомерно полагая, что одолели натиск вируса.

Генерал сел во главе стола, его главный помощник стоял за спиной, вытянувшись в струну, еще двое солдат рядом. Они все – воспитанники Корпуса стражей Исламской революции, воевали с американцами на территории Ирана, Сирии, Ирака, пока вирус не заставил бывших врагов объединиться. Теперь же организация, считавшаяся террористической, стоит во главе человечества, пытающегося выжить. Что сказать? Апокалипсис многое перевернул с ног на голову.

– Вам всего достаточно? – спросил Аль-Махди.

– Более чем. Благодарю, Генерал, – Трухина ответила за нас. – Как мы можем вам помочь?

– Вы привезли с собой полторы тысячи человек, наши продовольственные запасы сильно напряжены, нам нужно больше ресурсов с поверхности. Наши Харисы⁵ увеличили частоту вылазок, цепная миграция перестала быть предсказуемой. Я надеялся на помощь ваших Падальщиков, но не вижу их среди вас.

Тяжелый вздох сам вырвался из моих легких.

– Падальщики предали нас, – произнес я тихо.

– Что произошло?

– Попытка военного переворота, убийство Генерала, а потом компрометация базы.

– Падальщики уничтожили Желяву? Что-то в это мало верится.

Скептицизм Аль-Махди был разумен. Своих Харисов он

⁵ Харис (араб.) – с араб. пахарь, труженик, кормилец

растит в строгой дисциплине, окружает религиозными догмами, изолирует от общества, чтобы они не знали ни слабостей, ни соблазна. Соединив наши элитные подразделения, мы создали бы воистину неуязвимую армию.

– Сейчас я покажу тебе кое-что, и ты поймешь, что существует угроза похуже голода.

Я кивнул Трухиной, она кивнула своим майорам-близнецам, те поставили ноутбук на стол перед Генералом. Видеозаписи с камер Желявы демонстрировали последние часы жизни моего дома.

– Смотри внимательно, – я прервал назревший вопрос Генерала.

Спустя несколько секунд на его лице появилось ожидаемое недоумение.

– Это человек? – выдохнул он.

– Это – инфицированный.

– Но она выглядит, как человек!

На экране Тесса неспеша ходила по коридорам Желявы, пока кровососы расчленили людей прямо у нее под носом. Они не замечали ее, сновали вокруг да рыкали, но не трогали. Она не защищала людей. Она лишь молча наблюдала за их мучительной смертью. Качество видеозапись плохое, но среди различимых пикселей мне кажется, я вижу ухмылку на ее лице.

– Это один из командиров Падальщиков. Она была инфицирована в ходе одной из миссий. И ровно в тот день, когда

она вернулась на базу, кто-то взломал систему защиты и открыл ворота.

Наконец мне удалось напугать самоуверенного Аль-Махди. Я прямо чувствовал, как в его мозгу взорвался фонтан вопросов.

– Мы думаем, вирус мутирует. Он стал маскироваться. Теперь они похожи на нас, – сказала Трухина.

Аль-Махди повернулся к помощникам и приказал:

– Немедленно взять образцы крови у всех, кто приехал с Желявы!

– Генерал, мы уже проверяли...

– Проверить еще раз! – рявкнул Аль-Махди.

Его первый помощник Амир – высокий долговязый парень с широкой грудью, большими черными глазами и волнистыми черными волосами, уложенными ровными прядями назад – тут же вздернул подбородок к потолку и зашагал прочь из штаба.

– Если бы они были среди нас, мы бы уже знали об этом, – заметил я.

– Позволь мне самому думать о моей базе! – резко бросил Генерал.

Я стиснул зубы. Аль-Махди заметил это и усмехнулся.

– Думаешь, ты самый умный среди нас? Думаешь, повидал больше, чем остальные? Мои Харисы не уступают ни в силе, ни в отваге твоим предателям! Мы тридцать лет выживаем подле Штутгарта, тут этих кровососов в сотни раз

больше, чем в ваших лесах! Пока вы отсиживались с краю, нас жарило в самом эпицентре, но и это не помешало нам быть быстрее этих тварей!

Пот стек по моей спине. Но вовсе не из-за того, что Аль-Махди пытался запугать меня своим величием, а из-за напряжения, которое сдерживало мои кулаки. В последнее время я мало ем, мало сплю, мало выхожу из своей комнаты, а перед глазами у меня одна и та же картина, на которой Тесса стоит прямо передо мной со следами укуса на плече, в ее глазах горит голубой огонь безумия, на лице расплывается едва заметная ухмылка.

В штабе наступило долгое молчание. Очень тяжелое и смердящее.

– Они знают расположение Нойштадта? – спросил Аль-Махди уже тише.

– Нет, при покидании Желявы мы стерли все навигационные карты.

– Но они знают про бункер «Валентин» и Порто-Палермо, – добавила Трухина.

– Надо их предупредить. Джамаль, отправь им это видео под грифом ТРЕВОГА в срочном порядке.

Второй помощник тоже арабских кровей, как и весь генералитет Нойштадта, покинул штаб.

– Ты знаешь, где они могут укрываться?

В голове Аль-Махди уже выстраивались тактики нападения. Внезапно он стал симпатичнее.

– Где-то в горах. Найдем, если хорошенько поискать, – ответил я.

В память врезались слова Тессы о том, что она не одна такая, и что они засели в горах. Все чаще меня не покидала мысль о том, что их таких – невидимых для врагов – становится все больше, и они рыщут в поисках последних остатков людей, чтобы поставить точку в этой долгой попытке выживания.

– Даже если мы их найдем, мы не сможем их одолеть. Эти твари живучие, а теперь еще и умные. И только бог знает, сколько их там скопилось уже, – высказала Трухина.

Аль-Махди загадочно улыбнулся.

– Ты права, сестра. Лишь Аллах все знает, и он же нас ведет по пути истинному в этой священной войне за души людей. Теперь я понял. Теперь я понял все.

Я нахмурился, не понимая слов Генерала.

– Год назад, я потерял восьмерых Харисов в битве за сланцевую шахту. Мы всего лишь искали сырье для электротехники и кровли, но Аллах подарил нам замаскированный бункер. Тогда я не понял значение сего дара, крепость стен моего дома казалась единственной важной целью в жизни. Я плакал по погибшим братьям, не осознавая, что это малая цена за то, чем я стал обладать.

Я затаил дыхание. Неужели ему удалось?

– Что же ты нашел? – спросила Трухина хриплым голосом.

– Один из пусковых штабов «Труб Иерихона».

Голову оглушило, как если бы на меня снизошла наконец божья благодать.

– Где?! – я откинул игру в перетягивание каната.

– Недалеко. Всего сотня километров отсюда, – Аль-Махди деловито постукивал пальцами по металлической столешнице, потому что понимал, что отныне имел меня с потрохами.

Ну а я в свою очередь понимал, что обладая столь мощным оружием, Аль-Махди не имел к нему ключа.

Его имел я.

Вопрос читался в глазах Аль-Махди, и я ответил:

– Да. Они у меня есть.

Аль-Махди усмехнулся.

– Исайя всегда была запасливым. Одному лишь Аллаху известно, откуда он смог достать коды. Но то, что сегодня они продолжают миссию по спасению человечества, которую начали еще наши предки – это чудо, подаренное Всевышним.

Я напряг каждый мускул в своем теле, чтобы не закатить глаза. Бог. Аллах. Яхве. Как уже достала эта вера во что-то неконкретное и не имеющее доказательств. На Желяве Исайя резко пресекал вспышки межрелигиозных столкновений, он призывал уважать религии, видя в них сильную базу для морали. Я же вижу лишь еще одну слабость, оправдание провалам и лени. Не бог вытащил эти коды из погибающей Желявы, а я. И я на него не очень-то похож, да и разговоров с ним не веду, и честно сказать, не на его стороне воюю. Ес-

ли уж видеть во мне зерно божьего умысла, то и в Гитлере и в Поле Поте его надо видеть. В конце концов, не они ли подарили нам атомную бомбу и правозащитную политику, заразив людей стремлением быть сильнее?

Восстановив связь между главным штабом и пусковыми установками, мы сможем наконец оказать достойный отпор заразе. Кто знает, возможно, даже при нашей жизни человечество отвоюет поверхность назад. Амбициозные мечты имели под собой все шансы обрести плоть.

Система с говорящим названием «Трубы Иерихона» – это сеть шахтных и мобильных пусковых установок, запускающих ракеты с ядерными боеголовками класса «земля-земля». Некоторые главные штабы имеют доступ к межконтинентальным ракетам, которые правительства тщательно маскировали под красивыми словами «мирное использование», но продолжали собирать на военных заводах с максимальной скрытностью. Договор о ликвидации ядерного оружия был подписан еще в далеком восемьдесят седьмом между двумя сверхдержавами – Россией и США – они обязались уничтожить все комплексы баллистических и крылатых ракет наземного базирования средней и меньшей дальности. Пацифистская инициатива прожила недолго. Уже в начале двадцать первого века те же страны начали взаимно обвинять друг друга в скрытном продолжении ядерных программ, а к моменту, когда Вспышка уже начала гнать людей прочь из больших городов, про договор не просто забыли, а сделали

вид, что взаправду он никогда не существовал.

При разворачивании системы Иерихона страны, потупив глаза, охотно объединяли весь имеющийся ядерный потенциал, и его оказалось накопленным столько, что стало ясно: все системы противоракетной обороны на деле оказались ракетными ударными комплексами. Так ядерная триада объединила все свои Громы, Лоры, Мусуданы, Атласы, Стрелы, Рокоты, Торы, Титаны и еще с сотню различных модификаций в единую систему и развернула сеть штабов по всей Евразии, чтобы зачистить хотя бы один континент от кровососов.

«Трубы Иерихона» так и не затрубили из-за трусости людей. Они все надеялись, что Иерихон станет самым последним запасным планом и что до него дело так и не дойдет. Страх перед потерей целых городов, радиационным фоном, третьей мировой заставил их медлить с решением до тех пор, пока не стало слишком поздно. Заражение росло в геометрической прогрессии, массовые атаки инфицированных сбивали людей в хаотичные кучи, как и их мозги. Уже никто не понимал, что происходит и кто сейчас главный. Падение правительств, гибель президентов с целыми кабинетами и администрацией. Иерихон стал терять голоса вершителей судеб, и оставшиеся смельчаки не смогли побороть всю ту же мораль, которая запихнула первых инфицированных в плекси-гласовые боксы, вместо того, чтобы прошибить им мозги.

Теперь же оставленная в забвении глобальная система за-

пуска ракет упала прямо в наши руки, как небесная манна. Если бог и существует, то он наконец дал оружие в руки правильного человека, потому что я ждать не собираюсь. Кровососы уже сорок лет хозяйствуют на земле, заражать там больше некого, плодиться они не способны, а значит пускать в расход можно смело всех и подчистую, стирать уже и без того мертвые и покинутые города.

– По глазам твоим вижу, что думаем мы об одном и том же, – начал Аль-Махди после долгого молчания, унесшего в далекие фантазии, которые мы всю жизнь желаем претворить в реальность.

Он встал из-за стола и произнес:

– Пойдем, покажу тебе свой огневой фонд. Непокойно мне оттого, что считаешь Нойштадт дегенератом.

Мы шли вдоль просторных коридоров Нойштадта, стены которых были выложены ровной плиткой, а полы – начищенным покрытием эпоксидного слоя. Ровные ряды светодиодных ламп освещения: все до одной горели исправно. Длинные коридоры разрезались проемами с герметичными дверями, управляемыми дистанционно из Центра управления. Желява уступала в красоте по каждому пункту: бетонные полы, перебои со светом, механические двери – как гадкий утенок она стояла рядом с этим лебедем и тем не менее гордо вычищала свои перья, не замечая своего уродства. База это не только железобетонные коридоры и стальные двери, это еще и люди с неутомимым желанием выжить. На меньшей

площади ветхая и изнеможенная Желява укрывала под собой пятнадцать тысяч людей, забитая под завязку, и была готова принять еще столько же, благодаря добродушию и отваге желявцев, тогда как Нойштадт был сборищем эгоистов и равнодушных выживальщиков, не желающих уступить крупицу своего комфорта ради спасения дополнительной тысячи людей. Я читал это раздражение в каждом взгляде, встречавшемся мне на пути. Мы были здесь чужаками, соперниками за еду и кров. Благодетельства здесь не найдешь, как и сострадания.

– На поверхность ведут всего два выхода: основные северные ворота и запасные южные, – рассказывал Аль-Махди. – В ангаре северных ворот мы храним нашу армию. Долго я ждал момента, когда ее можно выпустить на поверхность, интуиция подсказывает, что момент уже близок.

Мы вышли в огромный холл. Стальные ворота с воздушным подпором шесть метров в высоту и в два десятка диаметром подсказывали, что завод занимался изготовлением не только боеприпасов, сюда завозили и крупную бронетехнику, которая выстроилась здесь в ровные ряды. Последняя человеческая армия. Последняя попытка отвоевать мир обратно.

Аль-Махди поманил рукой своего первого помощника Амира. Широкие плечи ведущего командира отрядов Хари-сов тут же оказались подле нас. Аль-Махди по-отцовски хлопнул мужчину по плечу. Правая рука Генерала, Амир был

первым кандидатом на кресло Аль-Махди. Его амбициозность, как и отвага, читались во всем: во взгляде, в осанке, в речи и манерах. Исаяя тоже прочил генеральские погоны лидеру Падальщиков, потому что в современной обстановке помочь выжить людям могут лишь те, кто не боится отправиться на поверхность и встретиться с жестоким врагом. Я уже был на полпути к креслу Генерала, когда все пошло прахом.

Чем больше я сравнивал Желяву и Нойштадт, тем больше укреплялся в мысли о том, что Нойштадт является отражением Желявы в зеркале параллельного мира. Улучшенная, более чистая, совершенная версия, где планы срабатывают, а желания исполняются.

Аль-Махди был прав, когда хвастался боевой мощью Нойштадта. У него было два десятка бронетранспортников для перевозки гражданских – длинные автобусы, покрытые двумя слоями экранированной брони, они могли перевезти до пяти тысяч человек. Теперь к ним добавились с дюжину транспортников Желявы, которые уступали в скорости и вместимости, но тем не менее при последнем бегстве из пекла они доказали свою прочность.

Когда я увидел выставленных в ровную шеренгу шесть «Леопардов», я облизнулся. Аль-Махди не только получил укрепленную базу, оснащенную по последним разработкам времен до Вспышки. Видимо, он так усердно молился, что господь ему ниспослал несокрушимый НАТОвский

танк «Леопард 2А7», разработанный теми же одаренными немцами. Леопард воевал в Афганистане, в Сирии, стоял на вооружении основной массы европейских стран, а впоследствии получил франшизу за Атлантикой: американцы хранили верность своему обожаемому «Абрамсу», он показывал великолепные результаты на полигонных испытаниях, но немцы убедили их дать шанс Леопарду.

Комбинированная многослойная броня, динамическая защита «Реликт» с высокими показателями перекрытия проекции башни и защиты от кумулятивных и подкалиберных боеприпасов. Стабилизированная короткоствольная 120-миллиметровая пушка, изрыгающая бронебойные и кумулятивно-осколочные снаряды, пулеметы MG3 калибра 7,62 на турельной установке, противотанковая управляемая ракета с лазерной системой наведения и два гранатомета «Пламя» по 300 выстрелов в ленте. Полуавтоматическая система управления огнем, снабженная тепловыми датчиками и датчиками движения, максимально облегчала наводчику выбор и поражение мишени, а стабилизатор пушки позволял вести огонь, находясь в движении на неровной местности. Совмещенный лазерный и стереоскопический дальномеры повышали точность наведения, инфракрасные приборы ночного видения и электронно-оптические усилители делали систему наблюдения неуязвимой. Вспомогательная силовая установка питала электроэнергией электронные системы без необходимости запуска основного двигателя, что эко-

нормило моторесурс и снижало акустическую заметность машины.

Я обошел танк, постучал по экранам динамической защиты, измерил глазами размеры ракет в надгусеничных нишах. Амир открыл люк, и я прыгнул внутрь, чтобы воочию узреть мощь автоматической системы управления огнем. Развитая система прицела: тепловизионный, оптический канал, лазерный дальномер и панорамный прицел командира. Баллистический вычислитель и автоматические датчики сопровождения цели повышали эффективность огня на скорости и крене, а сигнализация об облучении лазером автоматически активировала предписанный алгоритм избегания обстрела.

– Малыш может вести огонь сразу во всех трех плоскостях и четырех направлениях, – рассказывал Амир внутри танка. – При этом экипаж немногочисленный. Наши инженера-компьютерщики постоянно улучшают алгоритмы искусственного интеллекта внутри тактической сети – аналога вашей Фелин – благодаря чему, достаточно двух наводчиков для ведения боя.

Трухина сидела как раз в кресле наводчика, я за рулем, Амир присел на корточки возле нас, объясняя показания мониторов, связь систем. Я подергал джойстик пушки – гидравлика позволяла управлять оружием силой одного мизинца. Трухина интересовалась системами слежения, разглядывала прицелы.

– Я вижу, что машина подключена к Центру управления, –

заметила она.

– Все верно. Центр получает сигналы от всей тяжелой бронетехники, поэтому Леопардом может управлять внешний пилот.

– Беспилотник?! – поразилась Трухина.

Амир улыбнулся.

– Что-то вроде этого. К сожалению, управлять движением мы пока не можем, но интенсивно над этим работаем. На сегодня же из Центра управления возможно подключение к пушкам, пулеметам и противотанковым управляемым ракетам.

– Хорош зверь, не правда ли? – Аль-Махди не мог не похвастаться бронированным конем.

Я бы тоже не устоял.

Черт. Да Аяксы рядом не стояли с этим чудовищем. Желява кашлянула еще танком М-84 модификации «Снайпер», который помер прямо здесь в ангаре, едва преодолев тысячу километров пути в день эвакуации.

– Маневренность танков слишком мала, чтобы побороть полчища инфицированных. Это малоэффективное оружие против них, – вынес я свой вердикт.

Хоть и стиснув зубы.

Но Аль-Махди был готов к моей критике.

– А я еще не закончил дефиле, – ответил он.

Амир вел нас дальше вглубь ангара, планируя поразить нас до инфаркта.

– А это еще что?! – Трухина не удержала язык от ошеломления.

Я обомлел не меньше и прикусил язык до крови. Наконец-то Аль-Махди получил желаемую реакцию, и она была вполне заслуженна. То, что предстало перед моими глазами, привыкшими к разнородности боевых мощностей, поразило меня своим великолепием.

– Ну что? Мы больше не кажемся страной третьего мира? – довольно спросил Аль-Махди.

Амир уже карабкался на махину.

– Боевой экзоскелет, – рассказывал Амир сверху, пока лез к кабине пилота. – Совместная разработка НАТО и китайских инженеров изначально разрабатывалась как силовая платформа для транспортировки грузов. Ну а мы за два десятилетия превратили ее в боевой скафандр.

Я подошел к громадине и пристально оглядел каждый болт. Станным образом две ненавидящие друг друга нации создали самую мощную солдатскую экипировку, которой нет аналогов. Три метра в высоту, титановый сплав, бронированное стекло пилотской кабины, высокотехнологичный костюм больше походил на самостоятельного робота, а не на экипировку.

Амир ловко забрался по ногам экзоскелета в компактную кабину пилота, уселся в эргономичное кресло, нажал несколько кнопок и толстое ударопрочное полимерное стекло медленно опустилось, раздался короткий пшик, означаю-

щий герметичность колпака.

– Амир, продемонстрируй его в действии, – приказал Аль-Махди.

– Кабина полностью герметична, – голос Амира раздавался из динамика, закрепленного на груди машины, – запас кислорода на шесть часов, дозаправка здесь на станции обслуживания.

Амир продолжал нажимать кнопки и переключать тумблеры внутри кабины, послышался низкочастотный гул.

– Костюм работает от реактивного двигателя, скрытого за защитными решетками, система вентиляции обеспечивает вывод отработанных газов автоматической системой обдува, одновременно охлаждая двигатель и фильтруя выходящие из кабины запахи, – рассказывал Амир.

Внезапно ноги экзоскелета ожили, туловище слегка осело вниз, а потом ноги медленно выпрямились, словно машина просыпалась ото сна и потягивалась. Каждое движение сопровождалось характерным звучанием работы сервоприводов и гидравлических систем.

– А что с управлением? – мне не терпелось увидеть экзоскелет в действии.

В ту же секунду экзоскелет сделал первый шаг, потом второй и третий. Поначалу он двигался неспешно, размеренно, а потом Амир заставил машину пробежать с десятков метров. Гремящие звуки шагов доказывали тяжеловесность машины.

– Твою мать! – поразилась Трухина.

Я был в неменьшем шоке. Огромный робот передвигался по ангару, точно копируя движения пилота внутри прозрачного колпака. Было видно, как Амир управлял джойстиком рук, что было нелегко, потому что необходимо было научиться управлять руками во всех проекциях, но Амир тренировался давно, а потому руки машины двигались, как живые.

Вместо ладоней у экзоскелета были установлены пушки на стандартные калибры 7,62. На одном плече красовался зенитный пулемет Корд, его боекомплект составлял не менее тысячи патронов в ленте, за этим же плечом виднелся запас лент в стальных чехлах. На втором плече был установлен 30-миллиметровый автоматический гранатомет с боекомплектом в сотню выстрелов, и снова контейнер с запасными лентами снарядов был прицеплен сзади.

– Управление ногами происходит через сверхчувствительные педали, которые чувствуют силу и направление движения, после чего гидравлическая система передает сигнал в сотни датчиков, установленных в ногах, что позволяет пилоту фактически идти ногами экзоскелета, – объяснял Аль-Махди, видя, как Амир убежал резвиться в экзоскелете в середину ангара, точно забыв про демонстрацию возможностей машины.

– Двигатель работает на топливе? – спросил я, учуяв запах чего-то жженого.

– Нет, на аккумуляторах.

– Они перегреваются, – теперь я понял, что это за запах.

Так пахнет окисленный никель.

– Система обдува несовершенна, мы продолжаем эксперименты. Но опытным путем доказана шестичасовая продолжительность работы аккумуляторных элементов. Далее в кабине становится слишком жарко.

А в это время Амир дал нам понять, что он вовсе не забыл про свою задачу менеджера по продажам, и всю демонстрировал таланты трехметрового робота. Поочередно работая ногами, Амир вел футбольный мяч к воротам под радостные возгласы солдат, наблюдающих за резвыми фокусами машины. Потом экзоскелет присел на одно колено, положил руку на локоть и сделал неуклюжий, но столь зрелищный и громкий кувырок вперед, казалось кто-то перекатил металлическую бочку по полу, усыпанному гвоздями. Солдаты зааплодировали, засвистели, закричали. Экзоскелет встал не без труда, снова медленно выпрямился, а потом поклонился, чем вызвал задорный смех солдат.

Аль-Махди тоже хмыкнул и произнес:

– Ребятня.

Но было видно, как он гордился своими солдатами, которые работали над совершенствованием экзоскелета вместе с учеными. Это было видно по тем баллистическим модификациям, которыми оснащали транспортник: вместо грузовых платформ – пулеметы и гранатометы; вместо грузовых цепей

– запасные ленты боевых снарядов; вместо водителя – солдат.

– Когда «Трубы Иерихона» зачистят поверхность от основной массы инфицированных, наша освободительная армия завершит миссию, и мы наконец вернемся под солнце. Да прибудет с нами Аллах в этой священной войне, – говорил Аль-Махди.

Мы с Трухиной шли чуть поодаль от Аль-Махди, каждый думал о своем. Но почему-то мне казалось, что нас обоих посетила мысль о том, что по какой-то нелогичной причине бог избрал предводителем в этой священной войне человека наподобие Аль-Махди. Мы с Трухиной пережили два прорыва базы, пожертвовали другом, готовы были замуровать себя на долгие года под землей ради спасения населения Желявы, но ни разу не получили помощь от бога.

Может, мы недостаточно молились?

Глава 2. Пир посреди чумы

15 февраля 2071 года. 17.00

Доктор Август Кейн

Уже неделю я валюсь с ног и засыпаю, едва лицо коснется подушки. Тесс ложится раньше меня, а потому последним, что видят глаза, прежде чем перекроют доступ к реальности, это ее мертвый сон рядом со мной, ровно такой же, в какой отправляюсь я через секунду.

Падальщики совершают вылазки каждый день с захода и до заката, а потому, когда я просыпаюсь, Тесс уже давно нет, ее сторона матраса холодная, а шкаф, где висит экипировка – пуст. С таким же остервенением, с каким она отправляется в миссии, я выхожу из берлоги, спрятанной посреди лабораторий, и отправляюсь на собственные битвы.

Герметизация восточного крыла гостиницы шла полным ходом. Ребята работали в три смены, и все это очень напоминало наше предыдущее приключение по становлению Аякса обратно на колеса: убийственный сон, длинный день, физические нагрузки, хрустящая грыжа в пояснице. Список приключений пополнялся с каждой неделей, и я уже втянулся в бешеный ритм. Если выдавался какой-то день без новостей, без каких-то новых проблем или побед, то этот день казался неправильным.

Падальщики привозили с оптического завода новые пар-

тии плексигласовых пластин. Фабио, Ульрих и Миша под предводительством Томаса сооружали профильный каркас вокруг восточного крыла, а потом устанавливали плексиглас. Каждый день они улучшали собственные чертежи и задумки, разрабатывали многоступенчатую систему вентиляции, вставляли угольные фильтры, продухи во избежание запотевания стекол – со всей этой благородной целью поселить людей под солнцем, мы рисковали возвести огромный парник и сжечь всех заживо. Но инженера настойчиво потрошили Хроники, ища ответы на вопросы по возведению герметичных жилых камер. Они хотели принести хоть какое-то счастье в жизни измученных подземельем людей. Этот стимул горел ярким пламенем стремления и упорства, он заставлял их строить новый лучший мир.

Продумать надо все, в том числе системы переработки отходов жизнедеятельности. Снова выручили Хроники, из которых ребята достали научные работы по превращению отходов в топливо для долгосрочных космических перелетов. Вот так исследования для полетов в космос спасали жизни людей все на той же Земле, с которой улететь им не удалось. Десятилитровый процессор под гостиницей при помощи переменного тока и электролиза воды способом мокрого сжигания перерабатывал отходы восточного крыла в перекись водорода. А в подвале желявские инженеры собирали высокотехнологичную экспериментальную перерабатывающую плантацию с проточным реактором.

Аграрники тоже без дела не оставались и уже трудились в первых теплицах на заднем дворе гостиницы, который стал полигоном для испытаний фильтрующих подушек Маркуса. Мы с ним пытались найти уравнение для оптимального соотношения фильтрации окружающего воздуха от человеческих запахов. Для этого мы создали купол над задним двором: металлические профили формировали сетку из прутьев, на которую мы устанавливали фильтрующие прокладки, каждый день меняя их размещение. Фактически мы пытались вычленить уравнение распространения запаха посредством диффузии и конвекции. Мы тоже день и ночь пропадали в Хрониках, изучая практическое применение Броуновского движения молекул. Но мы продвигались медленно, слишком много переменных в уравнении: скорость ветра, температура, влажность, давление, даже солнечная радиация то и дело вносила свои коррективы, а качающаяся головой Арси, выносила вердикт: пусть Падальщики и отваживали зараженных от подножия гор, используя приманки, те все равно один за другим возвращались обратно, чую запахи десятков людей, трудящихся в открытых теплицах.

– Цепная миграция ослабла, интенсивность зараженных масс примерно в шесть раз меньше первоначальной, – утешала Арси, видя наши измученные проблемой лица.

– Но они все равно прибывают. Если прибыл один, то придут и другие. Продолжаем эксперимент, – решал Маркус. Фидель продолжал улучшать каркас. Мы с Маркусом про-

должали улучшать формулу пропитки. Их упрямство и безустанность мне imponировали, я и сам такой. Разница между нами в том, что я выносливее благодаря вирионам в крови, и тем не менее Маркус с Фиделем не давали мне ощутимой форы, я каждый день чувствовал себя школьником на экзамене строго преподавателя, а ведь я живу на земле уже семьдесят лет. В два раза больше них!

Вот и сейчас Маркус, не побоюсь этого слова, которому меня научили друзья Тесс, *выпендривается*, сидя на перекладине между металлпрофилями на высоте четырех метров над землей. Он отвинчивал рамы ферментированной прокладки, чтобы снова поменять ее расположение. Мы добавим еще десять таких подушек, пропитанных ферментами Геркулеса, которые должны замаскировать человеческий запах, исходящий от аграрников, радостно прыгающих сейчас вокруг первых ростков белокочанной капусты.

Недооценил я жителей Желявы. Когда две недели назад Тесса привезла сюда двести пятьдесят голодных оборванцев, я схватился за голову, высчитывая, сколько усилий и ресурсов понадобится для содержания такого количества нахлебников, которые ни выйти из подвала не могут, ни помочь Свену в готовке на целую армию. Первые несколько дней мы с Тесс ссорились ежеминутно, обвиняя друг друга в отсутствии поддержки, каждый считал свою сторону правой, потому что у каждого было весомых аргументов с целый амбар.

Но потом свою лепту внесла Алания – мудрый человек,

которых я уже давно не встречал.

– Желявцы не беспомощные котята, – повторяла она каждый день, – за десятилетия подземной жизни в них скопился огромный потенциал. Помоги выпустить его, помоги обрратить его нам на пользу.

А потом все стало разрешаться само собой. Сначала инженеры выдвинули обоснованные идеи по герметизации одного гостиничного крыла, к их энтузиазму присоединились Маркус с Фиделем, а потом и их коллеги-исследователи, и вскоре они уже варили линимент, рецепт которого изготовили еще десять лет назад, ну а Падальщики были за любой кипиш и снаряжали одну экспедицию за другой, подпитывая вдохновениямышленных котят.

И сейчас, наблюдая за тем, как быстро тут обосновались желявцы, которые уже соорудили два ряда стеллажей в теплице и уже что-то вырастили на своих удобрениях, я осознал ошибочность своего предрассудительного мышления.

– Не пытайся контролировать все. Отпусти людей. Дай им развернуться. Вот увидишь, они окажутся полезными, – успокаивала Алания, которая больше остальных понимала, что мне нелегко психологически, ведь мое одинокое существование резко оборвали.

Сначала безрассудная Тесса появилась на пороге, потом БМП, потом зараженные особи начали ютиться в подвальных камерах, а потом на голову свалилась куча людей. Я едва успеваю за скоростью развития событий, потому что сорок

лет прожил в относительном одиночестве на мертвой планете, окруженный лишь своими мыслями и призраками прошлого.

– Отпусти их в свободное плавание, позволь им развиваться. Подсказывай, ограждай от опасностей, учи, но не сдерживай их порывы изменить здесь жизнь. Вот увидишь, пройдет немного времени, и они удивят тебя своим прогрессом.

Алания как в воду глядела, и висящий над моей головой Маркус с высунутым набок языком от усердий экспериментально проверить новую гипотезу, на фоне шестерых аграрников, водящих вокруг стеллажа хоровод, ярче всего доказывали правоту мудрой женщины.

Когда мы закончили с перегруппировкой прокладок на куполе, он стал казаться еще более нелепым.

– Как будто под паутиной с кучей дохлых мух, – точно описал Маркус, смотря наверх.

Я ухмыльнулся.

– Арси, купол готов. Обновляй программу слежения, – произнес я в рацию.

– Поняла. Отсчет особей обновлен, – ответила она.

Маркус хлопнул меня по плечу. Он всегда так делал, словно подбадривал. Хотя мне все больше казалось, что таким жестом он подбадривал сам себя, потому что уже хорошо изучил мой вездесущий и непобедимый скептицизм. Это уже десятая попытка. И что-то мне подсказывало, что их бу-

дет еще сотни.

Мы уже собрались покинуть двор, как раздался приглушенный гул двигателей. Я пошел встречать Падальщиков.

Один за другим могучие Аяксы въехали на площадку перед входом в гостиницу. Водители ловко припарковали грузовые и на удивление маневренные машины в ровный ряд задней дверцей ко входу «Умбертуса». Двигатели замолчали, внутри машин слышался задористый смех. Я закатил глаза, Падальщики уже не стремились быть тише воды, ниже травы. Совсем страх потеряли со всеми этими новыми, не побоюсь и этого слова, *прибамбасами* типа линимента, электропуль, мутантов среди них.

Наконец двери открылись, и из машин показались грозные фигуры в мощной зимней экипировке. Бойцы выносили блоки с плексигласовыми пластинами, какие-то связки были еще в промышленной упаковке.

– Держи, держи!

– Давай аккуратнее!

– Дверь открой!

Бойцы быстро разгружали машины, мне вообще они все больше нравились. За время совместной службы Падальщики научились читать мысли друг друга, они быстро понимали, что от них требуется, проявляли инициативу, гибкость в переговорах.

Кроме Тормунда.

Этот парень словно жил в параллельной вселенной, изред-

ка пересекающейся с нашей. У него всегда было собственное мнение на все, он поступал, как хотел, и лишь богу известно, как Падальщикам удавалось преуспевать с этим сумасшедшим в их рядах. Тесса объяснила это тем, что каждый отряд Падальщиков своеобразен, но тем их единство и неуязвимо – все тылы всегда будут прикрыты, потому что тут куча ненормальных людей, которые видят проблемы с разных сторон. Так я открыл новую Тесс: несмотря на постоянные подтрунивания в ее адрес со стороны Тормунда, она не придавала им значения и видела в этом странном парне надежную опору.

– Эй, давайте понежнее с грузом! Это вам не ванильные печенюшки Свена, которыми можно стены крушить!

Станным образом в этом я с Тормундом был согласен. Свен был неважным поваром.

– Интересно, что он наварил сегодня? Есть хочется аж до тошноты! – стонал Легавый.

– Да ты жрешь больше остальных! – выплюнул Фунчоза.

– Неправда!

– А кто ночью под подушкой ржаные хлебцы точит? – не отставал Тормунд.

– Что?

Падальщики разом остановились.

– Так это ты Ночной Жрец? – воскликнула Бридж. – Я же говорила тебе, что то были крошки, а не таракашки! – с этими словами она ударила Калеба по плечу.

– Как тебе не стыдно, Легавый?

– Мы все делим поровну!

– Откуда ты достал хлебцы? Свен запирает кухню!

– Эй! – Легавый прикрикнул на ворчащих солдат. – Хочешь быть сильным и здоровым? Ешь один и в темноте! – гаркнул он и пошел прочь.

Из Аякса Маяка показалась спина Тесс, с тремя бойцами они медленно вытаскивали габаритный сервер, похожий на большой шкаф. Я подбежал на подмогу.

– Привезли два таких, – кряхтела Тесс, – здесь более производительные процессоры и оперативка больше, дисковый массив из четырех винчестеров. Арси описается от счастья.

Лицо Тесс покрывала испарина, сервер весил не менее двухсот килограмм, но даже изможденность на лице не могла скрыть ее воодушевление. Все, что привозили Падальщики все эти две недели, тут же поглощалось изголодавшимися по работе и созиданию людьми.

Разгрузка Аяксов шла вплоть до самых плотных сумерек: Падальщики вносили в холл гостиницы добытые процессоры, компьютеры, связки проводов, боксы с химреагентами, исследовательское оборудование, одежду и экипировку, медицинские изделия и многое другое, брошенное бесхозным на мертвой Желяве; в холле добытое тут же потрошилось руками жильцов, которые разносили все по складам или лабораториям.

– А это что за бокс? – спросила Куки, указывая на пласти-

ковую коробку с крышкой.

– О! Это я отнесу Горе-Федору на кухню. Он уже две недели кошмарами мучается из-за потерянных сковородок, – сказала Бридж.

– Эти два бокса в лабораторию Маркусу. Он просил привезти его экспериментальные макеты, – командовала Ляжка.

– Томас, забери это к вам. Тут четыре десятка винтовок, а это гильзы, нитроцеллюлоза из отдела баллистики. Собери нам побольше электропатронов, – говорил Антенна.

– Столкнулись с зараженными? – участливо поинтересовался Томас.

– Еще ни разу не столкнулись лбами, но хочется быть готовыми к этому. Теперь же мы их не убиваем, – с этими словами Антенна постучал по модифицированному FAMASy на плече с широким магазином, в котором прятались электропатроны.

Я едва заметно улыбнулся. За эти две недели изменилось не только наше жилище, но и мировоззрение. Падальщиков все больше удавалось конвертировать на нашу сторону: зараженные больше не были для них кровожадными стервятниками, в зараженных наконец увидели людей. Так я открыл для себя и новую сторону этих солдат – они не простые убийцы, они полны милосердия, готовы учиться и готовы даже принять столь невероятную теорию, как три компонента сыворотки, возвращающей людей из ада.

К сожалению, единственным доказательством работы сы-

воротки была лишь Тесс, но она была не полноценна, ведь Тесс так и не перешла на сторону дьявола – она не превратилась, не лишилась сознания, мы успели это предотвратить.

Лилит. Вот чье пробуждение мы ждали с нетерпением.

Суэта в холле продолжалась, тут и там раздавались радостные возгласы и подтрунивания Падальщиков. Ко мне подошла Тесса:

– Держи новые игрушки. Тут контрольные сыворотки, наборы реагентов и калибраторы, – она поставила передо мной большой алюминиевый охлаждающий бокс, послышался звон бутылей и ампул.

Я улыбнулся и кивнул. Она ответила тем же.

Мы не показывали чувств на людях, хотя всем уже известно, что у нас с ней один матрас на двоих (как и толчок – сказал бы Тормунд. О боже. Общение с ними начало сказываться). Но нам казалось правильным держать дистанцию все то время, пока мы были за пределами спальни. Мне – потому что я никогда не был любителем раскрываться перед чужаками. Тесс наверное тоже. Но взгляды ее сержанта Калеба я не мог не заметить. У них была история.

– У меня есть новость, – начал я.

– Плохая или хорошая?

– Пока не решил.

Тесса заинтересовалась.

– Арси взломала-таки защиту лаборатории в восьмистах километрах отсюда.

– Та, что где-то под Нидерландами?

– Возле Аахена.

Тесс чуть дернула ухом, как будто что-то услышала.

– И что там? – спросила она, взглянув на планшет.

– Наша следующая поездка.

Тесс смотрела в планшет, не реагируя на мои слова.

– Мы должны отправиться туда как можно скорее.

Тесса не двигалась и лишь озадаченно смотрела на планшет. Поначалу меня снова бросило в злость, как обычно это бывает, когда Тесса считает свои дела важнее моих. Но потом я понял, что в холле замерли все. Вернее все Падальщики, и все смотрели на наручные планшеты, в то время как остальные жители продолжали затаскивать добро в норы. Прямо сюрреалистичная картина.

– Мне это не кажется?

– Это глюк?

– Нечаянно словили сигнал?

Падальщики спрашивали друг у друга, но никто не знал ответа.

– Нас вызывают на связь, – наконец произнесла Тесс.

– Кто? – спросил я удивленно.

Она подняла на меня глаза, полные озадаченности, и ответила:

– Триггер.

Я не был знаком с данной личностью, но давным-давно Фунчоза красочно рассказал про гнусный характер их быв-

шего лидера. Гнусного ровно на сотню матерных слов и десять предлогов.

– Неужели гнида еще жива? – спросила Ляжка.

– Как он вообще подсоединился к нашей платформе? Вся система Фелин была подвязана к Желяве. Там никого не осталось! – удивился Хумус.

– Мы так и не перепаяли наши датчики. Центр управления Желявы продолжает функционировать, как и ее система слежения. Триггер видит наше передвижение, – объяснил Вольт.

– Но где он? Ему что желявские крысы помогают?

– Да он сам крыса!

– Не обижай крыс. Это поразительно умные и верные создания. А Триггер...

– Чмо! Соглашусь с Буддистом. К черту это чмо! Игнорируем звонок и идем телек смотреть. Меня там ждет четвертая серия про захватывающую жизнь мух, – произнес Фунчоза решительно.

– Когда ты стал смотреть документальные фильмы? – удивился Электролюкс.

– С тех пор как узнал, что самцы зеленых мух приносят самке дань в виде какой-нибудь еды, чтобы она его не сожрала после спаривания. А потому, – Фунчоза протянул желявский соевый батончик Хай Лин, поклонился и произнес, – да сжалишься ты над моей никчемной жизнью да успиришь свой гнев ибо снова хочу нырнуть в твой богатый внутрен-

ний влажный мир!

– Дурак ты, – прыснула девушка, но соевый брикет из рук приняла.

– Эй, ау, что с этим делаем? – Антенна вознес надо всеми свой планшет.

– Надо ответить, – предложил Буддист.

– Зачем? – воспротивился Лосяш.

– А если им нужна помощь? – поддержал своего командира Хумус.

– Чтобы Триггер просил помощи у Падальщиков? Да не в жизнь! – Васаби всегда были настроены скептически относительно Полковника.

– Тогда зачем он звонит?

– Да не звонит никто! Глюк это!

– А если не глюк?

– Это не глюк. Триггер знает идентификационный номер платформы. Он может прозвонить с любого стационарного компьютера, потому что знает пароль от системы, – сказал Антенна.

Я наблюдал за колебаниями Тесс, ее палец завис над планшетом в самую первую секунду после появления сообщения на экране «Входящий поток», и до сего момента она не решалась, хочет ли отворять дверь в прошлое.

– Возможно, он передумал, – произнесла она.

Фунчоза взорвался:

– Да хватит уже давать говно-людям шанс исправиться!

Пусть подохнут в своих норах! У нас что забот мало?

Тесса тяжело вздохнула и пробубнила себе под нос то, что я ждал все это время:

– Нельзя их бросать.

И приняла вызов.

Планшет на ее экране залился черным, долгие десять секунд, пока сигнал шел на приемную базу, я видел, как нервничали все. Что они увидят? А может, это действительно глюк платформы и нет никаких людей, которым нужна помощь? А может, это вовсе не глюк, и где-то недалеко от нас под землей остаются люди, которых, как заметила Тесса, нельзя бросать?

Экран ожил и перед нами возникло волевое лицо знаменитого Полковника, имеющего множество разных имен: Триггер, говно-людь, чмо, предатель, каннибал и использованный гандон. Это лишь часть его имен, что я запомнил из разговоров Падальщиков.

Тесса и Триггер долго смотрели друг на друга, я же смотрел через плечо Тесс, разглядывая волевой подбородок Триггера, изрезанное шрамами лицо, на котором читалась вся трагедия его жизни, пронзительные зеленые глаза, в которых отсутствовал всякий зов о помощи. Фунчоза был прав. Триггеру было нужно что-то иное, нежели помощь.

– Здравствуй, Тесс, – наконец произнес мужчина.

Его голос был низким, басовитым с легкой хрипотцой, какой и должен быть у военных.

– Триггер, – сдержанно ответила Тесс.

Падальщики замерли, слушая разговор.

– Настроился на радар Желявы, и вдруг увидел перемещение датчиков Аяксов. Грабите дом родной?

– Всего лишь пытаемся построить новый.

– Не очень-то хорошо строить новый на костях и страданиях невинных. Говорят, карму себе портишь.

– У нас нет другого выхода.

– Понимаю. Выживаете также, как и мы?

Тесса молчала, лишь тяжело вздохнула, потому что Триггер проехался по больному. С каждой произнесенной репликой я понимал, что это опасный человек – умелый манипулятор и опытный чтец психологических портретов.

– Ты в Валентине? – спросила Тесс после паузы.

– Глупо делиться этой информацией с врагами.

– Мы не враги. Мы могли бы объединиться, чтобы выживать вместе. Ведь так будет легче, – ответила Тесс.

Полковник фыркнул.

– Не смеши меня, Тесс.

– Почему ты считаешь нас врагами?

– А разве это не так?

– Не так!

– Разве ты не заражена? Разве вирус не обитает в твоей крови? Разве я могу к тебе прикоснуться?

Тут Триггер запнулся, зажмурился и тяжело вздохнул, словно борясь с внутренней болью.

– Я могу к тебе прикоснуться, Тесс? – уже тише спросил Триггер. – Также, как раньше? Также, как в те ночи, когда ты засыпала на мне?

Тут раздался громкий хлопок. Мы все оживились. Это был Фунчоза, который бросил шлем на пол с характерным стуком метала о мрамор, а потом завопил:

– Я был прав! Я знал! Я знал! Твою мать! Я все это время был прав! А-а-ха-ха-ха!

Фунчоза начал бегать между ребятами, Рафаэлку закружил в бешеном танце, Ляжку вознес на руках под потолок, запрыгал на плечах Антенны и все это под собственный истеричный хохот и завывания:

– Она трахалась с Триггером! Тесса трахалась с Триггером! Я знал! Я знал! Я все это время был прав! Никто не верил! Все сомневались! И только я был уверен! Она трахалась с престарелым говно-людем!

– Фунчоза, заткнись! – выругалась Жижа.

– Пошла на хер!

– Фунчоза, перестань! – шикнула Вьетнам.

– Черта с два! Все эти года вы шутили надо мной, шикали на меня, смеялись, но теперь! Кто смеется последним теперь, а? Вы все сосете, а я гений!

Тесса устало закатила глаза. Все-таки лимит на терпение Фунчозы у нее был. А сумасшедший блондин уже достал нож, подошел к стене и начал что-то царапать на ней.

– Вот! Навсегда запечатлею этот момент! Десятки поколе-

ний после меня будут знать эту истину! Эту аксиому! В которую верил только я! И которую я же пронесу сквозь ВЕЧНОСТЬ!

Через минуту на стене было нацарапано «Тесса – шлюха».

– Триггер, то, что в моей крови есть вирионы, не должны тебя пугать.

– А я думаю с точностью наоборот!

– Из этого можно извлечь выгоду. Почему ты не хочешь этого принять? Мы сильнее, выносливее, раны на наших телах заживают быстрее, мы не подвержены вирусным и бактериальным заболеваниям, а это значит мы можем стать идеальными хранителями. Мы можем защищать людей!

– Но ведь в вас есть один крамольный недостаток, не так ли?

– А Тесса – шлюха, хи!

– Фунчоза, заткнись! – снова шикнула Вьетнам.

– Вы все в любой момент можете слететь с катушек и начнете убивать простых людей. Напомни, как ты хочешь нас защитить от этого?

– Ты продолжаешь коверкать смысл моих слов! Мы не все такие! Ты ведь даже не слушаешь!

– Потому что я услышал достаточно этой чепухи про существование! Ты ослеплена собственной несбыточной мечтой! Ты больна, но ты продолжаешь пытаться вернуться к нормальным людям, не осознавая, что несешь им чуму.

– А еще она шлюха...

– Ты навязываешь свое видение утопического мира, в котором ты и я живем на расстоянии вытянутой руки, живем в постоянном страхе перед тем, что в один момент ты превратишься в чудовище и не сможешь контролировать голод. Такое будущее тебе нравится? Ну что ж, дорогая, тогда посмотри на этот мир через призму обычного человека. Это ведь не ты будешь жить в постоянном страхе от соседа, а здоровые люди! Ты будешь хищником, а они – добычей! Их жизнь превратиться в кошмар!

– У меня здесь двести тридцать восемь человек, которые не боятся этого кошмара!

– Тогда они уже смертники! Ты в любой момент превратишься в убийцу и выпотрошишь их, превратив треть из них в таких же монстров, как и сама. Ты обрекла их на гибель, Тесс, из-за своего упрямства.

Я видел, как Тесс начала подрагивать. Она плавно отвернулась от ребят, чтобы они не заметили слезы на ее глазах, которые я был готов спрятать от всего мира.

– Тогда зачем ты позвонил, Триггер? – хриплым голосом спросила Тесс.

Триггер грузно вдохнул, шмыгнул носом, чуть потянул время. Ему тоже было нелегко. Тогда я понял, что Тесса значила для него нечто большее, чем просто солдат, командир, женщина. Между ними выросла связь, которую было больно оборвать.

– Старческая ностальгия по ушедшим временам делает

меня слабаком, – начал Триггер. – Видимо, пытался найти в твоих словах утешение, как всегда. Но в этот раз не вышло. Я сорок лет прожил, окруженный инфицированными, мой опыт, моя закалка еще позволяют мне принимать здравые решения. Я не вижу чудесного спасения в твоём плане. Я вижу лишь извращенную форму вируса, которая пытается усыпить мою бдительность, чтобы выкорчевать людей из-под земли.

Я понимал страх Триггера. Вирус эволюционировал всю свою историю, ученые констатировали этот факт с ужасом, потому что не могли даже предсказать, какую особенность получит новообращенный зараженный. Через год после массовой Вспышки зараженные научились выстраивать тактики нападения, брали опорные пункты облавами, сегодня они способны окружать, отвлекать, запутывать. Резня, учиненная на Желяве, демонстрировала жуткие кадры расправы над жертвами. Если раньше зараженные просто нападали на людей и высушивали тела, то теперь казалось, они стали смаковать вкус крови.

Триггер видел слишком много жутких событий, я их помню, ведь я сам был вместе с ним в самой гуще. И если бы сейчас я не обладал мутационной формой вирусной ДНК, наверное я бы тоже не обнадёживался планом Тесс.

– Мне жаль, Тесс. Жаль, что я потерял тебя, – его слова звучали все тише.

– Мне жаль, что я не могу заставить тебя поверить, – про-

шептала она.

– Прощай, Тесс.

Экран погас. Говно-людь исчез, оставив после себя осадок отчаяния, безысходности и надпись «Тесса – шлюха» на стене.

– Все? Теперь можно перестать верить в Санта-Клауса, подземных гномов и обещания правительства не поднимать пенсионный возраст?! – воскликнул Фунчоза.

Ребята постепенно возвращались в реальный мир, продолжали таскать короба, Тесса же так и стояла, замерев и смотря на погасший экран.

– Ты сделала все, что могла, – сказал я.

– Не все, раз он по-прежнему видит во мне врага.

– Некоторые люди не готовы идти в будущее. Они остаются в том комфортном моменте времени, потому что дальше просто не тянут. Они продолжают пользоваться кнопочными телефонами, хотя есть тачпады, не могут отказаться от бумажных книг в пользу электронных. Был такой анекдот про парня, которому на пейджер приходит сообщение, мол, купи уже себе телефон, мы из-за тебя тринадцать лет закрыться не можем.

Тесса хмыкнула не сразу, а потом посмотрела на меня обреченным взглядом висельника и кивнула.

Я снова кивнул ей в ответ, хотя очень хотелось поцеловать ее хотя бы в лоб, чтобы утешить.

– Спасибо, Кейн.

– У нас есть наша паства, и они знают, что им не за чем нас бояться. Живи, трудись, старайся ради них. Пусть их даже всего двести тридцать восемь. Это уже хорошее начало.

Тесса улыбнулась.

– Пойдем, покажу тебе новый ориентир. Уверен, ты снова возжелаешь спасти всех и вся.

Я указал рукой на дверь запасного выхода, ведущего на этажи с лабораториями. Уже на выходе из холла я заметил тяжелый взгляд Калеба, провожающий нас с едва заметной болью, которую он научился маскировать. Он хотел быть на моем месте и утешать Тесс.

В компьютерной лаборатории Арси сидела с Йонасом и Хайдрун, на которую нацепили наушники, и которая старательно зачитывала фразы с бумажки в микрофон:

– Произвожу раздетку. Ой. Разметку.

– Уф, Хайдрун, во фразе всего два слова и в одном обязательно делаешь ошибку, – Арси закатила глаза.

– Ну извини, слова дурацкие! Что еще за разметка? Вот если скажу «раскраиваю территорию», ведь лучше звучит и понятнее!

– Это ты у себя в мастерской крой и шей, а здесь у нас солдаты, и единственное, что ни кроят, это органы врагов!

– Фу, как грубо, – Хайдрун в своей манере взмахнула длинными рыжими волосами.

Королева моды как всегда была одета в цветастое платье, на этот раз ядовито зеленое, что аж глаза слезились, и с кучей

тканевых бабочек, наклепленных на подол.

– Что делаете? – спросил я.

– Мы решили подарить голос Фелин! – Хайдрун радостно захлопала в ладоши.

– Идея Зелибобы. Фелин отдает команды надписями, мы подумали, что будет удобнее, если она наконец заговорит, а с дисплея перед глазами уйдет перегруз.

– Отличная идея! – похвалила Тесс. – В нем действительно столько графиков, схем, надписей, что во время миссии только и делаешь, что читаешь роман перед глазами.

– Теперь в миссиях вы будете слышать мой голос! Во-первых, у меня подходящий тембр...

– Неправда, – отрезала Арси.

– А во-вторых, Зелибобик не будет скучать по мне в миссиях, – Хайдрун снова взмахнула своей роскошной гривой.

– Мы почти закончили. Фелин не особо разговорчивая. Чего хотите? – спросила Арси.

– Покажи те файлы, что успела скачать с сервера взломанной лаборатории под Аахеном, – попросил я.

Арси тут же забарабанила над клавиатурой и вытащила из цифровых недр сокровенные полсотни мегабайтов, из-за которых я сегодня поперхнулся чаем с утра.

Тесса проглядела файлы, наполненные непонятными для нее формулами, расчетами, графиками, но ее глаз, привыкший к одной определенной последовательности ДНК, потому что у нас ею все стены в лаборатории исписаны, замерла.

Меня этот факт порадовал, потому что, как только сюда переселились ее напичканные тестостероном и гранатами друзья, я уж было подумал, что потерял ее научный интерес посреди стервятнической рутины.

– Это мутированная вирусная ДНК? – спросила она озадаченно.

– Очень похожа. Смотри, отличаются лишь вот эти семь пар нуклеотидных цепей, – я ткнул в экран пальцем, чем вызвал недовольную гримасу Арси.

Компьютеры и все, что с ними связано, для нее роднее детей. Хотя детей у нее нет. Роднее ее коллекции парфюма.

– Что это значит?

– Это значит, что это – теоретическая модель. Кто-то высчитал ее искусственно. Наша точна, потому что мы собрали настоящие образцы из тел зараженных. Здесь же налицо глубокая теория.

Наконец изумление поразило и лицевые мышцы Тесс, как меня сегодня утром, когда я впервые осознал поразительный факт.

– Есть кто-то помимо нас, копающий в правильном направлении. И этот кто-то находится в Аахене, – ответил я на немой вопрос Тесс.

Тяжелое молчание заполнило лабораторию, в которой слышалось лишь жужжание серверов и кликанье мышки Йонаса, оторванного от реальности широкодиапазонными наушниками, в которых гремело техно-электро-тектоническое

что-то, созданное искусственными звуками, а не настоящими инструментами.

– Это значит, что мы не одни? – спросила Хайдрун с широко раскрытыми глазами.

Я улыбнулся и кивнул.

– Где, говоришь, они находятся? – Тесса с еще более живым интересом уставилась в компьютер.

Арси вытащила на экран карту.

– Восемьсот шестьдесят три километра от нас. Около восьми часов пути, – сообщила она, просчитав маршрут.

– А что там?

– Согласно карте с открытыми данными – бескрайние поля с овцами да козами, – ответила Арси, играя бровями.

Мы все понимали, что это не так. Тысячи военных объектов сокрыты на картах для простых граждан, но они обозначены на картах стратегической важности, доступ к которым был лишь у узкого круга военачальников. Любопытство Арси навело нас на один из таких объектов, потому что исследования подобного масштаба в деревенском домике не сделаешь. Нужна лаборатория широкого профиля и много экспериментальных образцов, я уже не говорю про сорок лет человеко-часов.

– Едем туда завтра же! – в Тесс снова проснулся азарт.

Рвение, возбужденность, решительность вышибли из Тесс всякое сомнение в избранном пути. Призрак Триггера больше был не властен над ней, его мнение превратилось в полу-

забытое событие из прошлого, она снова была готова доказать целому миру свою правоту.

– Завтра нельзя! Завтра свадьба Куки! – завывала Хайдрун. – Знала ведь, знала, что ты всегда все испортишь своими вечными попытками спасти вселенную! Завтра официальный выходной!

Тесс скривила гримасу стыда.

– Черт, совсем забыла.

– Разумеется, забыла! Подумаешь, свадьба! Подумаешь, праздник любви! Подумаешь два человека решили связать себя узами до скончания веков! А из-за ускоренной регенерации эти самые века могут продлиться кучу веков, а оттого клятва их еще более весомая и значительная! А ты вот так легко это пускаешь под...

– Да-да-да, я поняла, Хайдрун! Завтра все сидим дома и празднуем свадьбу! – взмолилась Тесса, чтобы заткнуть нитье королевы моды.

А потом посмотрела на меня и вдруг прыснула со смеху:

– Свадьба! Представляешь? Неужели мы наконец начали жить нормальной жизнью? Свадьба, черт подери!

Мы подхватили ее истеричный смех, чьи корни чувствовали в самих себе. Потому что это казалось чем-то диким и невероятным – свадьба посреди апокалипсиса. Прямо как символ неумирающей надежды. Но Хайдрун была права. Этого праздника уже три дня ждали, как ждали его по три года до Вспышки. Бронировать залы и рестораны ни к чему,

искать тамаду и дрессированных голубей – тоже. Люди жаждали обычного вечера в кругу знакомых лиц, танцы до рассвета, ощущение эйфории и счастья пусть даже в этом крохотном оазисе спокойствия, покуда смертельный вирус бушует вокруг.

Жителям Бадгастайна требовались радость, торжество, потеха. Если бы только был такой доктор, прописывающий все это по рецепту! Вот вам пилюля отрады, вот настойка ликования – пейте по ложке в день, а вот шипучая таблетка удовольствия – растворите в стакане с шампанским и пейте до дна. Первые следы жизнерадостности начнут появляться через пятнадцать минут.

Этот невидимый доктор Оптимизм все чаще расхаживал по коридорам Бадгастайна, ну а мы его уже так заждались.

16 февраля 2071 года. 05.00

Малик

Я бежал со всех ног, пару раз споткнулся на лестнице, едва не разбил себе лоб, дверь в спальню Кейна открыл чуть ли не с ноги и запрыгнул на кровать точно посередине двух спящих тел.

– Кейн, Тесс, просыпайтесь!

Я стал трясти их и бить по бедрам.

– Просыпайтесь! – кричал я.

Сон их и впрямь был мертвым, они каждый день работали на износ. Но вот Кейн нахмурился, стал приоткрывать глаза.

Тесса его опередила, резко сев в кровати и пробормотав:

– Нет, Робокон, я не хочу розовые ногти...

– Тесс, очнись! Кейн, давай же!

– Малик? Какого черта? – Тесса недовольно хмурилась.

– Лилит! Она пришла в сознание! – закричал я на этих двух.

За долю секунды сон убежал прочь, и ребята вскочили с кровати. Теперь уже мы втроем бежали сломя голову, спотыкались на лестнице и рисковали разбить лбы. Мы вбежали в лабораторию с боксом, ставшим домом для Лилит – первой зараженной, что нам удалось словить в ИКЕЕ. Легендарная миссия! Я о ней обязательно в мемуарах напишу и сочиню детскую версию для сказок на ночь.

Мы подошли к боксу и замерли, наблюдая за женщиной. Дыхание ровное, глаза открыты, она заторможенно разглядывала окружение, не поворачивая головы.

– Она точно проснулась? Может, просто веки распахнулись? – предположила Тесс.

Поначалу я тоже так подумал, а потом взглянул на монитор, куда энцефалограф напрямую слал сигнал работы мозга. У зараженных все четырнадцать линий, обозначающие ритмы мозговой деятельности, скачут волнообразно и синхронно, как у спящего человека. Сейчас же в линиях энцефалограммы были видны разные всплески и перепады, свидетельствующие о том, что в человеческой оболочке наконец кто-то поселился.

Кейн решил первым войти в контакт с чем-то, чего мы до сих пор не до конца понимали. Он вошел в шлюзовый отсек, который привычно зашипел, выгоняя прочь чужой воздух и герметизируя камеру заново, а потом прошел в сам бокс. Он беззвучно крался к постели с зараженной, готовый в любой момент отпрыгнуть. Когда Лилит впала в «обратную кому» – термин, который мы дали сну, возвращающему людей с того света – мы сняли зажим с нервных окончаний в шее, который позволял держать ее в искусственном параличе. Теперь она владела своим телом, и очень бы хотелось, чтобы в мозгу у нее сидел человек, а не кровосос.

Кейн медленно подошел к самому изголовью, долго смотрел в глаза Лилит, пытаясь понять, что движет зрачками. Это мог быть нервный тик или непроизвольное движение во время сна. Потом Кейн осмелился проверить реакцию зрачков на свет и посветил фонариком ей в глаза. Лилит зажмурилась. Прямо как живая!

И тогда, снова смерив взглядом показатели мониторов, демонстрирующих размеренный пульс, нормальное давление и температуру тела, Кейн наконец спросил:

– Ты понимаешь, где находишься?

Лилит молчала, смотрела на Кейна, слегка хмурясь, потом что-то задвигалось в глотке, и я едва поверил в эти звуки:

– В больнице? – хрипло прошептала Лилит.

Мы с Тесс вцепились в плечи друг друга, затрясли друг друга, а потом еще и пощипали, чтобы проверить реальность

на реальность.

Кейн посмотрел на нас и заулыбался. Судя по размеру этой улыбки, он был в восторге!

– Ну здравствуй, Лилит. Мы так долго ждали твоего пробуждения, – произнес он.

Женщина нахмурилась и произнесла:

– Лилит?

Кейн тут же сообразил и заулыбался еще шире.

– Прости, мы не знали твое настоящее имя и назвали Лилит. Как тебя зовут?

Женщина сглотнула и ответила:

– Роуз... кажется.

Она зажмурилась и добавила:

– Все в каком-то тумане. Я ... я... я потеряла память?

– Очень надеюсь, что нет.

– Хочется воды...

Я тут же подбежал к раковине и налил воды в стакан, а потом поставил в окошко камеры и закрыл дверцу. Кейн взял стакан с другой стороны бокса и предложил Лилит. Для Роуз! Черт! Ее зовут Роуз! У нее есть имя, и она его помнит! Кейн чуть приподнял Лилит (черт!), она двигалась очень медленно, как будто болело все тело, а может так и было, и осушила стакан в три глотка, не понимая, почему вода проливается мимо губ.

– Ох, я такая неуклюжая, простите, – прошептала она, а потом снова без сил упала на подушку.

Бедная женщина не понимала, что с ней приключилось, она еще даже не осознала метаморфозы, произошедшие в ее организме. Сыворотка не творила чудес, а потому длинные острые когти на руках и ногах у нее не отвалились, а были заботливо спилены Куки и Хайдрун, которым для этого пришлось научиться пользоваться болгаркой. Это был самый brutальный педикюр, который я когда-либо видел. Пасть Роуз все также принадлежала хищнику: отсутствие жевательных зубов, вместо них из пасти с растянутой вокруг челюстей кожей, прикрывающей окрепшие жевательные мышцы, торчали десятисантиметровые клыки – потому она и не могла больше пить, как человек. Она бы даже стакан не смогла взять из-за мощных пальцев. И оттого зрелище это было донельзя удручающим и печальным. Я ждал этого момента последние десять лет, представлял, как буду праздновать победу науки над заразой, вечеринку, фейерверк, подгоревший и недоваренный праздничный торт Свена. Но я даже не мог подумать, что это торжество победы будет наполнено горечью и соболезованием. Мне было жаль Лил... Роуз. Она ведь до сих пор не осознавала, кем она стала.

– Роуз, что последнее ты помнишь? – Кейн начал тяжелый путь возвращения Роуз домой.

– Даже не знаю...

– А семья? Помнишь кого-нибудь?

Роуз задумалась, а через минуту выдала:

– Помню детей... Нико... Николь, кажется. И Люк. Да.

Николь и Люк. Им по шесть лет. Двойняшки.

Мы напряглись. На шее Роуз висел кулон, в котором прятались две фотографии ее детей. Именно воспоминание о детях помогло несовершенной сыворотке пробудить толику мозга Лилит. Именно Лилит. Потому что зараженную Роуз звали Лилит. Тесса помогла ей вспомнить, потому что сама носила похожий кулон с фотографиями родителей. Именно с того дня мы поняли раз и навсегда, что теория Кейна работает. Люди не исчезли, они по-прежнему где-то там в неизученных закоулках мозга.

Вот и сейчас самое первое, что вспомнила Роуз – дети. Это и есть самое яркое воспоминание ее жизни.

– Они здесь? – спросила Роуз.

И тут мои глаза увлажнились. Даже Тессу это зрелище не оставило равнодушным. Она уставилась в пол, пряча слезы.

Кейн ответил не сразу, он тоже набирался храбрости рассказать Роуз все.

– Роуз, какой сейчас год? – спросил он, подбираясь к правде.

На этот раз Роуз молчала дольше и хмурилась усиленнее. Она молодец. Изо всех сил пыталась восстановить потерянную память.

– Двадцать девятый. Ноябрь. Да. Ноябрь двадцать девятого, – ответила она неуверенно.

– Помнишь Вспышку?

Роуз задумалась и произнесла:

– Кажется, да. Помню суету. Много военных в городе.

А потом на ее лице мелькнуло озарение.

– Я заразилась? Я болею?

Кейн едва заметно кивнул. Роуз тяжело вздохнула.

– Тогда почему вы сидите здесь без защиты? Вы не боитесь заразиться?

Господи, она такая заботливая, она такая умная!

– Ты, можно сказать, вылечилась, – неуверенно ответил Кейн.

Он не знал, что говорить, да и никто из нас не знал. Мы миллион раз представляли этот момент, а он все равно пошел по сценарию миллион первого.

Роуз немного расслабилась и даже выдавила подобие улыбки, а потом Кейн как рубанул:

– Сегодня две тысячи семьдесят второй год.

И дальше рубить стало легче. Кейн рассказал обо всем: об эволюции вируса, об уничтожении городов, о новом этапе жизни в подземельях, о долгих годах поиска ответов, вскользь упомянул об ИКЕЕ – Роуз уловила знакомое название и заметила, что ей нравилась кушетка Хемнэс. А потом он подвел ее к настоящему моменту.

Они долго сидели молча, Роуз разглядывала свой кулон, щелкала застежкой, ей давалось это с трудом, потому что трансформация тела затронула каждый мускул, но больше всего это было заметнее в конечностях: они стали длиннее и мощнее. Мускулистые длинные пальцы едва ли теперь мог-

ли справляться с такими изящными предметами, как бижутерия. Цепочку точно не застегнет. Да блин, даже я не всегда могу застегнуть цепочку на шее Куки, что уж про Роуз говорить. Она сидела на кровати и разглядывала свои руки и ноги, скорее озадаченно, нежели с отвращением. А потом в какой-то момент произнесла:

– Я немного устала. Хочется поспать.

Кейн сочувственно закивал, понимая, что спустя сорок лет сна, она не захочет засыпать еще очень долго.

– Хочешь, с тобой кто-нибудь останется?

Роуз наконец взглянула на нас, смотрящих на нее как посетители зоопарка через стекло. Она знала о нашем присутствии все это время, просто не придавала тому значения.

– Нет. Я хочу побыть одна, – ответила женщина.

Кейн не стал спорить, показал ей кнопку вызова ассистента из соседней комнаты и покинул бокс.

Мы отошли вглубь лаборатории, все смотрели в пол, ковырялись в кафеле пальцами ног и всячески избегали смотреть друг другу в глаза.

– Вы можете идти спать, я покараулю ее, – предложил я.

– После такого уже не заснешь, – ответила Тесса.

Я был согласен с ней.

– Но сыворотка работает. И это победа, – объявил Кейн с оттенком торжества.

Наконец мы посмотрели друг на друга. А ведь правда. Через боль и страдания, но мы одержали победу, она далась

нелегко, стоила очень дорого, но все же далась. Мы взглядами поздравили друг друга с победой и разошлись.

Кейн вернулся к работе, пробуждение Роуз заразило еще большим энтузиазмом, теперь он был уверен в том, что если нам удалось вылечить неизлечимое, то с фильтрующим куполом они уж точно справятся.

Я пошел в соседнюю лабораторию, где продолжил синтез новых доз успешной сыворотки. Теперь каждая ампула казалась на вес золота. Я был уверен, что Тесса пойдет в спортзал и будет колотить грушу или нарезать круги вокруг гостиницы, но оказалось, что она пошла спать. Мне показалось это странным, потому что мой с Кейном энтузиазм выразился в усиленном желании сделать что-нибудь, а у Тесс – в усиленном желании поспать. А потом Кейн объяснил, что наверняка это будет единственная ночь, когда Тесс не будут мучать кошмары из-за осознания того, что они победили и возвращение в тот бесформенный плотный туман ей не грозит.

Ну а с восходом солнца новость о пробуждении Лилит облетела всю гостиницу, жители толпами ломались в лабораторию лишь бы заполучить хотя бы момент времени рядом с настоящим чудом апокалипсиса. Половина ребят так и не смогли привыкнуть к ее настоящему имени, а потому удивительная женщина пришла к выводу называться обоими:

– Лилит-Роуз звучит неплохо, – сказала она.

Нам с Кейном приходилось отгонять визитеров чуть ли не швабрами, а потом мы даже поставили круглосуточную

охрану к боксу, но Зелибоба с Перчинкой тоже поддались всеобщему ликованию и постоянно торчали в боксе, расспрашивая Лилит-Роуз о ее прошлой жизни. Милая женщина стойко терпела внимание к своей персоне, а потом даже успокаивала меня с Кейном, уверяя, что лавина вопросов помогает ей вспоминать, несмотря на то, что некоторые вопросы были просто из ряда вон.

– А ты голодна? Хочешь пить? – спрашивала Куки, сидя на кровати Лилит.

– Да! Вот Ахмед, он человек, – с этими словами Хайдрун усадила на кровать шестилетнего пацана с Желявы, которому посчастливилось стать частью эксперимента. – Как он тебе? Вкусно пахнет? Хочешь его съесть?

Лилит округлила глаза, но уже в тысячный раз стойко пережила самые жестокие вопросы.

– Нет. Он неаппетитно пахнет.

– Точно? Уверена?

– На, понюхай!

Хайдрун вытянула ручку мальчика и ткнула ею прямо в нос Лилит. Пацан смотрел на Лилит не менее круглыми глазами, больше походя на котенка в руках живодера.

Лилит мягко убрала ручонку Ахмеда, взъерошила ему волосы и произнесла:

– Ты очень милый и смелый, Ахмед. Я не хочу тебя есть. Принесешь мне воды?

Мальчугана уже через секунду не было в боксе.

– Хайдрун, Куки! – прикрикнул Кейн из глубины лаборатории.

– Что?!

– Это нормальный вопрос! Ты все равно будешь высчитывать время до ОВС! Как ты поймешь, появился ли у нее голод, если не спросишь?

Кейн лишь покачал головой.

– Вот, я сшила тебе платье!

Хайдрун достала ярко-зеленое платье с желтыми цветами и ленточками.

– Какое красивое, – улыбалась Роуз. – Я всегда любила цвет сочной травы.

Вот так визит за визитом, вопрос за вопросом перед нами раскрывалась личность Роуз – первой женщины, вылечившейся от кровожадности. Вирус по-прежнему был в ее крови, и люди ее немного побаивались, но мы понимали, что для построения доверия между нами, требовалось время. Роуз справлялась потрясающе. Она быстро осознала свою важность и тем лечила свою боль.

Она потеряла семью, была одинокой сиротой – такой же, как и мы все – у нее было богатое событиями прошлое, и также как у нас, ее счастливое прошлое было оборвано лишениями. Удивительно, что между нами пропасть в сорок лет, а судьбы наши идентичны.

– В два часа начало церемонии принесения клятв. Тебе нельзя выходить из бокса, но мы покажем тебе он-

лайн-трансляцию, – говорила Куки.

Роуз едва могла стоять на ногах, новый вирусный метаболизм медленно возвращал ее физическое состояние в более человеческую форму, а потому у нее резко развился артроз и артрит, регенерация восстанавливала суставы, но Роуз испытывала боль при движении. Кейн сказал, то пройдет еще около недели, прежде чем Роуз сможет управлять телом безболезненно.

– К сожалению, торт тебе тоже нельзя...

– Или к счастью. Свен у нас просто конченный повар, – перебила Хайдрун.

– Но мы принесем тебе яблочного пюре и отварного риса! – подбадривала Куки.

Метаболизм тоже вернулся в человеческую норму, но так как органы пищеварительной системы сорок лет работали над расщеплением и перевариванием сырой крови, возвращение к белковой пище должно было происходить поэтапно. Как прикорм щенка, которого постепенно переводят с материнского молока на твердую пищу. Мы кормили Роуз проваренными кашами и пюре, один прием пищи длился тридцать минут: по одной ложке в две минуты. И несмотря на неудобства и боль, Роуз всегда улыбалась и кротко благодарила.

Настал новый этап в этой бесконечной войне, и он принес нам новое понимание нашей чудовищной участи. До пробуждения Роуз мы жили в ожидании чего-то нереального, до конца неуверенные в эффективности сыворотки, но продол-

жая верить в приближение скорого окончания апокалипсиса. Каждый представлял его по-своему, кто-то видел встречу с потерянными родственниками и друзьями, другие видели безлимитный теплый солнечный свет, малая часть видели новые проблемы и препятствия. Не знаю, к кому примкнул бы я. Наверное ко всем сразу. Я тоже потерял отца и брата, и до сих пор не знаю, живы ли они, бродят ли по лесам, и тоже как и многие представляю, что найду их и мы снова обретем то совместное время, что у нас украли. Эта надежда горька на вкус, отдает солоноватыми слезами и тяжелым комом в горле, но еще больше режет грудь на лоскуты, скребется там, как неуспокоенный призрак, и лишь тормозит скорбь, которую все никак не похоронишь, не забудешь.

Со временем я узнал цену надежды. В обмен на смысл жизни, она требует много жертвенной боли.

– А ты все загадочно молчишь. А ты все продолжаешь утаивать от меня что-то, – раздался голос над головой.

Куки стояла надо мной, замершим над микроскопом. Я даже не заметил, как она пришла. Куки отодвинула мой стул и бесцеремонно устроилась у меня на коленях.

– Это все Лилит, да? – спросила она.

Я едва заметно кивнул.

– Мне тоже не по себе, что она наконец проснулась. Теперь ее зовут Роуз и у нее есть личность.

Куки произнесла вслух ровно то, что меня поражало больше всего. Почти месяц Лилит была для нас лишь безымян-

ной особью, над которой мы ставили эксперименты. Мы мало задумывались над ее прошлым, над ее чувствами, уверенные, что она – безмозглое существо, неспособное осознавать или чувствовать боль. Но теперь же оказалось, что она никогда не переставала быть человеком – разумным чувствующим существом.

Знаменитый швейцарский медик Ганс Рюш написал прогрессивную для своего времени книгу о бессмысленности и безнравственности опытов над животными, которую впоследствии назвали «вивисекцией вивисекции». Во всех опытах над живыми существами Ганс Рюш видел лишь огромную ошибку, стоящей очень дорого. Боль и страдания живых существ, которых препарировали заживо, сжигали, замораживали, подвергали тысячам извращенных экспериментов, вроде втирания порошка в глазные слизистые или срезания кожи для испытания косметики на оголенной плоти – все эти ужасы, называвшиеся необходимым злом ради науки заставляли терять дар речи и реветь ночами напролет. А потом я смотрел на Лилит-Роуз, которой мы фактически отрезали голову от тела, чтобы вызвать искусственный паралич, а потом вводили в нее один образец сыворотки за другим, все это казалось платой человечества за те издевательства над невинными кроликами, макаками-резус, биглями, крысами и многими другими. Устав от живодерства людей, природа заставила нас препарировать самих себя. Тоже заживо.

– Она работала в муниципальном автобусном парке и ру-

ководила маршрутами. Круто, да?

Слова Куки вывели меня из ступора. Она всегда так делала – всегда возвращала в реальность, когда гнетущие мысли уводили далеко в депрессию.

– Странная работа, не находишь? – я, как всегда, вошел в ее игру.

Куки радостно заулыбалась.

– Мне кажется, я даже не до конца представляю, что значит автобусный маршрут.

– Люди садились в общие автобусы, которые останавливались в определенном месте, а потом ехали куда-то.

– Представляешь, да? Что за ерунда? Люди жили в одном месте, а на работу ездили в другое! Зачем? Ведь можно жить и работать в одной комнате!

С этими словами Куки указала рукой на лабораторию. Мы жили в небольшой комнатухе посреди химической и биологической лабораториями, недалеко от спальни Кейна и Тесс. Нам не нужен был целый автобус, чтобы дойти от двери до двери.

– А сменить обстановку не такая уж и плохая идея. Мы могли бы поселиться в одном из маленьких домов Бадгастайна и каждый день приходить сюда на работу.

– Было бы чудесно! Отдельный домик с отдельным садом и отдельной комнатой для меня и Хайдрун!

– Хайдрун?

– Конечно! У нас же с ней ателье! Только тогда надо бу-

дет и Зелибобу с собой брать. О! Тогда нужен домик с двумя спальнями. Верно? Погоди, нам еще нужен Ульрих, чтобы манекенов клеить, и Миша каждый день со швейными машинками возится, они старые и заедают, нужно смазывать. Но если мы возьмем и их двоих, то придется взять Фабио, потому что он без них жить не может. Я думаю, они и Томаса за собой поведут, потому что, ну, ты же знаешь этих инженеров, они как четыре болта одной конструкции.

– Но Тесса не оставит брата без присмотра. Придется взять и ее.

– А за ней попрется Кейн. А он день и ночь работает в лабораториях.

– Значит, надо будет перевезти лаборатории?

Мы смотрели друг на друга с довольными улыбками до ушей. Игра удалась.

– Так может проще остаться здесь? – предложила Куки.

– Можно хотя бы этаж сменить. Уже будет достаточно для обновления обстановки.

Мы еще долго сидели вдвоем и болтали о всякой ерунде, такова была стратегия Куки. Она отвлекала, и отвлекала, и отвлекала... И за это я любил ее больше всех на свете. Куки стала моим домом, и было неважно, где жить: в отдельном коттедже или на соседнем этаже.

А потом в лабораторию ворвалась яростная рыжеволосая фурия.

– Вот ты где! Церемония вообще-то через два часа! И ты

не должен видеть ее до свадьбы! Неужели так сложно соблюсти хотя бы одно правило? – ругалась Хайдрун.

Куки чмокнула меня в щеку и радостная поскакала в девчачьи укромные закоулки, куда мужчинам вход был воспрещен.

Не всегда место определяет твой дом. Иногда достаточно одного человека, чтобы почувствовать себя уютно. Почувствовать себя, как если бы ты был ровно в том месте и в том моменте, в котором должен быть.

17 февраля 2071 года. 14.00

Томас

– Перестань крутиться! – шикнула Хайдрун на Фабио.

– Зачем вообще эти оранжевые пояса? – ныл Фабио.

– Потому что подружки невесты должны быть одеты одинаково!

– Хватит называть нас подружками! Мы не подружки, мы друзья невесты! – уже в сотый раз огрызнулся Ульрих.

– Вот когда будешь организовывать свадьбу, тогда назовешься, как хочешь. А у меня вы подружки!

Хайдрун даже пальцем погрозила в воздухе. Свадьба сделала ее настоящей занозой в пятке, она нам все три дня продыху не давала, и никакие аргументы типа модификации FAMASa под электропатроны ее не пробивали. Важнее было выбрать цвет оформления ресторана и расстановка стульев по фен-шуй. Не дай бог флуктуации Сатурна пересе-

кут абсолютные градусы Овна, ведь тогда десцендент, в котором эклиптика пересекается с западной половиной истинного горизонта и является куспидом седьмого дома гороскопа и одной из четырех кардинальных точек, закрывает заходящую планету. Я не до конца уверен, почему десцендент имеет конфликт с заходящей планетой, но и слово «куспид» меня бесит, а еще Хайдрун говорила что-то про жало скорпиона, и в общем я понял, что лучше с ней не спорить.

– Спасибо, что хоть платья на нас не нацепила, – продолжал ворчать Фабио.

На что Миша указал на широкий оранжевый пояс с длинными концами и показал знаками:

«А по-моему нацепила».

Мы дружно посмеялись, чем снова вызвали гневный взгляд Хайдрун.

– Почему вообще оранжевый? – спросил Ульрих.

– Потому что модный в этом сезоне!

– Люди вымерли. Некому решать, что модно, а что нет.

– Я единственный кутюрье на всей материке и я решаю, что модно, а что нет!

Хайдрун нависла над Ульрихом, тот сжался в плечи и больше не произнес ни слова в адрес странных поясов, из-за которых мы были похожи на арабских берберов.

– Куки, сильно не нагибайся! А то платье по швам пойдет! А нам в нем еще меня женить. И Тесс! – крикнула Хайдрун на танцующую Куки.

– Эм-м-м... прости, что? – очнулась Тесса.

Она замерла со стульями в руках и смотрела на Хайдрун с опаской.

– У нас одно свадебное платье на всю гостиницу! – объясняла Хайдрун. – Следующая выхожу замуж я! Где-нибудь через недельку. А потом ты!

Свадебное платье ждало своего часа сорок лет, вися в одном из номеров гостиницы, оставленное невестой из прошлого, которая даже и не подозревала, что заказала платье, послужащее людям после конца света.

– Напомни мне, когда мы это решили? – Тесса была озадачена.

– На еженедельном собрании, которое ты не удосужилась посетить! – Хайдрун все больше выходила из себя.

– У нас проводятся еженедельные собрания? И кто в них участвует?

– Я и Куки!

– Послушай...

– Ты выйдешь замуж, и это не обсуждается, потому что мы должны быть как три сестры, связанные неразрывной дружбой, у нас все должно быть одинаково! – запищала Хайдрун.

В зале стихло, все смотрели на взорвавшуюся Хайдрун и боялись шевельнуться.

– Никаких трусов это не стоит! – воскликнула Тесса и продолжала таскать стулья.

Под жестокий гнет Хайдрун попали все, но никто не смел

перечить, понимая, насколько важным было для нее организовать первую в мире свадьбу в период конца света. А потому Падальщики превратились в носильщиков столов и стульев, желявцы – в официантов, и даже Кейн был обязан плести матерчатые косички, украшавшие стулья перед импровизированной аркой, больше похожей на парашют для гнома.

Мне кажется, Хайдрун получала удовольствие от царившей суеты вокруг. Лукавить не буду, все получали. В том числе и я. Два месяца назад наша жизнь в Бадгастайне была настолько скучной и предсказуемой, что казалась одним долгим днем, в котором кто-то выключал свет на ночь: одинаковые дни тянулись как овсяная каша Свена, сползающая с ложки на тарелку, словно была каучуковым лизуном. Сейчас же мы практически жили в небольшой общине, где каждый знал соседа, где мы были одной большой семьей. Разумеется, это не могло не радовать.

Всю церемонию, как и праздничный ужин, разместили в ресторане – это единственное просторное место в восточном блоке, а другие крылья мы и не рассматривали, потому что людям туда нельзя. Так что праздник сегодня придет к ним, и они готовились к нему пуще остальных.

Я нашел Аннику возле длинных столов, она расставляла бокалы и фарфоровые тарелки, которые пылились в кухонных шкафах сорок лет.

– Смотри! Настоящий хрусталь! – сказала она довольная, словно нашла сокровище.

Я уже восемь лет жил в «Умбертусе» и забыл, каково это – радоваться вот таким вот мелочам, вроде хрустальных бокалов.

– Я такие только в Хрониках видела, – добавила она.

– А ты знаешь, почему хрусталь считался лучше стекла? В него добавляли оксиды свинца и бария, чтобы улучшить светопреломляющие характеристики, и потому он так ярко переливает цвета.

Анника скромно улыбнулась и продолжила ставить тарелки.

– Ты очень милый, Томас. Но боюсь твои знаки внимания немного ошиблись с целью.

Анника даже отвергала с нарочитой скромностью, словно извинялась за то, в чем виновата не была. Смущение тут же заиграло розовыми красками на ее бледном лице так ярко контрастирующем с длинными черными, как смоль, волосами. Сегодня она одела льняную тунику, видно новую, и перевязала оранжевым поясом. Я посмотрел на свой оранжевый пояс и понял, что да, я сегодня подружка.

– Я тебе не нравлюсь? – спросил я и тут же сам сгорел в красках стыда.

Не умел признаваться в симпатиях, вообще не знаю, как это делается. Почему бы не спросить напрямик?

– Дело не в этом, – уклончиво ответила она.

– А в чем?

– В том, что у нее шестнадцать детей, – ответила Тесса,

смачно посасывая сушеный чернослив.

Она подошла к нам незаметно – воспользовалась своими навыками профессионального убийцы. Я гневно на нее зыркнул. Прямо зыркнул, как будто глаза могли искры пускать.

– Никуда я не уйду, я твоя сестра, и я обязана о тебе заботиться.

Ее чавканье лишь еще больше раздражало.

– В чем состоит твоя забота сейчас?

– А как ты собрался воспитывать шестнадцать человеческих детенышей?

– Прекрати называть их так!

– А как еще? Они не твоего биологического вида!

– И что с того?

– А то, что упадет, расшибет себе коленку, ты ж даже помочь не сможешь.

В данную секунду я ненавидел Тесс. Во-первых, за то, как беспардонно она встряла в разговор, хотя готов был дать голову на отсечение – она следила и ждала, когда я наконец заговорю с Анникой. Тесса с самого первого дня, как я увидел Аннику, заметила мой живой интерес. А во-вторых, я ненавидел ее за то, что она грубо кидалась логичными аргументами, небось, все две недели их готовила, подсушивая чернослив под подушкой.

Я был опасен для Анники и всех ее приемных детишек, которые достались ей после падения Желявы. Был бы я на ее

месте, я бы тоже ни одного зараженного, каким бы он нормальным ни казался, не подпустил бы и на метр к своим детенышам. К детям, то есть. Тьфу ты, Тесс!

– Не можете вы быть парой! Я тебе уже говорила об этом! – произнесла Тесс прямо в присутствии Анники.

Бедная девушка стояла посреди нас и не знала, куда спрятаться.

– Не тебе решать! Сами разберемся! – гаркнул я.

– Нечего тут разбираться, ты заразен для этой самки и всех ее детенышей!

– Хватит их так называть!

– Что происходит?

О боже. Теперь Алания здесь! Я точно как спичка вспыхну из-за стыда!

– Мой придурочный брат запал на человеческую самку.

– О господи, Тесса! – взмолился я.

И стал оглядываться. Да. Остальные тоже стали прислушиваться к интереснейшему диалогу. Вам что заняться нечем? Еще двенадцать стульев не облеплены тканевыми косячками!

– Да, сложная ситуация, – нахмурилась Алания. – Но, может, они сами решат ее?

– Спасибо, Алания!

– А чего здесь решать? Разошлись по разным углам и конец истории!

Тесса уже перестала меня слышать.

– Тесса, мы все уладим сами, – надрывно прошептала Анника, искоса поглядывая по сторонам.

– Как? Что вы будете улаживать? Ты не можешь встретиться с моим братом, он для тебя заразен!

– Дело не в этом!

– Ну конечно же в этом! В чем еще может быть? погоди! Он что, тебе не нравится? Да ты обалдела? Мой брат самый лучший инженер. Он высокий, мускулистый, заботливый и благородный! Ты не найдешь никого лучше него!

– Тесса, перестань! погоди... что?

Я совсем запутался.

– О господи, я пошла отсюда.

Анна спешно ретировалась.

– Анна, подожди! – я хотел уже было броситься за ней, но Алания преградила мне путь.

А потом схватила меня за плечи и заставила глубоко подышать пять раз. Мозг обогатился кислородом и нервное напряжение немного спало.

– Тесса, что ты делаешь? – обратилась после этого Алания к моей сестре.

– Всего лишь хочу установить безопасные рамки, – сестра сплела руки на груди.

– Мы не глупые, мы осознаем всю опасность и последствия неосторожного поведения рядом с вами, – Алания говорила медленно и тихо, отчего казалась еще старше, чем была на самом деле. Как будто уже сто лет жила на этой планете.

– А, по-моему, кое-кто не понимает. Чего она глазки строит моему брату? Видишь же, отключился мозг у парня, яйца заиграли от восьмилетнего одиночества!

– Эй! – я ударил сестру в плечо, это было уже вверх предела.

Но она даже не отреагировала.

– Хочешь обвинить Аннику в том, что она красивая молодая девушка?

– Да, хочу! Пусть будет красивой и молодой на своей половине гостиницы!

– Тесса, я не собираюсь играть с тобой в дележ территории.

– А следовало бы, потому что это здравый смысл! Ты не будешь целовать человека, больного холерой!

– И Анника это понимает. Поверь. Это понимают все двести тридцать восемь человек в этой гостинице. Они вас боятся и обходят за метр.

– Вот и пусть боятся!

Алания покачала головой, а потом обратилась ко мне:

– Томас, ты очень милый молодой человек. Но ты должен отдавать себе отчет в том, что вы не сможете быть с Анникой по-настоящему близки, не причинив ей вреда.

Я тяжело вздохнул.

– Я просто хочу ей помочь. Хотя бы приглядывать за детишками. Я ведь могу их многому научить, – пожал я плечами, печально осознавая, что как бы мне Анника ни нрави-

лась, а вместе мы быть не можем.

– А это отличная идея. Я думаю, Анника будет рада твоей помощи. Там есть трое уже достаточно взрослых ребят, которые любят мастерить поделки. Почему бы не использовать их потенциал в вашей инженерии?

Тесса демонстративно закатила глаза. Я же снова зыркнул на нее, мысленно пронзая копьями.

Алания оставила нас двоих, как ссорящихся близнецов. Я понимал правоту Тесс и ненавидел ее за это. Понимаю, что это было неразумно, но так сложно контролировать свою ярость на того, кого считаешь самым близким тебе человеком, а он потом вот так предает тебя. Предаёт, открывая глаза на правду и давая тебе не то, что ты хочешь, а то, что тебе нужно.

– Прости, я не хотела быть грубой, – вдруг произнесла Тесс.

Я ответил, чуть погодя.

– И ты прости. Я очень разозлился оттого, что не могу быть с тем, кто мне очень нравится.

– Понимаю, – тихо ответила Тесс.

Я взглянул на нее. А ведь она так и не рассказала мне о том, как она пережила свои чувства к Калебу, ведь я помню их отношения. Она рассказала уклончиво, что после прорыва в шестьдесят третьем все сложилось так, что их пути разошлись. Но мне все чаще казалось, что все не так просто. Я знаю, что Калёб собирался сделать ей предложение, он спра-

шивал моего разрешения накануне. А потом что-то произошло, что разделило их на восемь лет. Тесса тоже не могла быть с тем, кого любила по-настоящему, просто не хотела это признавать.

Я вдруг посмотрел на сестру совсем другими глазами, и от того, что я увидел, мне стало грустно.

– Держи, это тебе, – она вдруг протянула мне бумажный сверток. – Кейн говорит, что мне надо возвращаться в мир обычных людей с банальными радостями, а не гоняться каждый день за спасением мира. Я шлю его к черту, потому что в корне не согласна. Но все же захотелось сделать тебе подарок, ведь я тебя восемь лет не видела, а значит должна тебе восемь подарков на День рождения.

Я смотрел на нее выпученными глазами. Тесса и сентиментальности? Я что перешел в параллельный мир? Я развернул обертку.

– Я заказала это у Хайдрун.

Это были трусы – самый дорогой подарок, который можно было только получить во времена апокалипсиса. Мы годами стояли в очереди у Хайдрун за получением нового нижнего белья, который она шила из хлопковых простыней, наволочек и пододеяльников. Хайдрун была экономна, а потому я удивился, узнав, что Тесса выпросила у нее для меня экстра-смейники.

– Хотелось добавить сестринско-братского символизма подарку, а потому вот тут сзади рисунок самой верной друж-

бы, – добавила Тесс.

Я развернул шорты, на заднице и впрямь были изображены герои, символизирующие самую крепкую на свете дружбу между родственниками.

– Эльза и Анна⁶, – произнёс я смущенно.

– Ну и ради шутки спереди снеговик Олаф, – добавила довольная Тесса.

Морковный нос снеговика был в точности там, где прячется мужская морковь.

Я улыбнулся, подарок был и впрямь дорогим и очень значимым.

– Спасибо, – ответил я, растрогавшись.

Мы крепко обнялись. Оказывается, мы так редко это делаем, и ведь зря. На свете нет никого роднее, чем братья и сестры, между ними строятся совсем иные отношения, чем с родителями: более доверительные, надежные и тем неразрывные. Нельзя, чтобы столь уникальная связь рушилась скандалами и игрой в перетягивание каната. Только когда потеряв Тесс, я понял, сколько она значила для меня, и теперь, обретя второй шанс, я не собирался его упускать.

– С тебя тоже восемь подарков, Анна, – сказала Тесса, пихнув меня в плечо.

Верно подобрала героев, у нас ведь даже цвет волос совпадает: Тесса – блондинка, я – шатен.

– Придется мне постараться, чтобы не пасть лицом в грязь

⁶ Героини мультфильма «Холодное сердце»

на фоне такого-то! – я показал на тусы.

Тесса улыбнулась и ушла.

Пока я прокручивал в голове произошедшее, я не заметил, как ко мне подошла Божена. Она странно улыбалась и приблизилась ко мне больше обычного. Получив отказ Анники, я был не против побыть немного в компании стервозной Божены.

17 февраля 2071 года. 18.00

Тони

Малик и Куки стояли у импровизированного алтаря, украшенного согласно Хайдрун «по последнему писку моды», и держались за руки, пока местный президент Август Кейн связывал их вечными узами брака.

– Жизнь будет нелегкой. Наоборот очень трудной. Придется бороться каждый день, но я буду бороться, потому что ты мне нужен. Я хочу, чтобы ты был со мной каждый миг, всегда!

Рядом стоящая Хайдрун шепнула мне:

– Это из «Дневника памяти». Это я выбрала!

Мы продолжили смотреть церемонию дачи клятвы. Малик вдруг затряс Куки за плечи и с жаром произнес:

– Опомнись 02! Уж не знаю, почему ты так сильно хочешь стать человеком, но ты такая, какая есть! Неважно, откуда ты взялась. Плевать, что у тебя клыки и рожки! Ты нравишься мне и такой, и неважно, человек ты или нет. Я все время

думал, почему я так к тебе отношусь, и наконец-то понял, когда посмотрел... посмотрел на Фотоши и Нагора. Я люблю тебя, 02! Люблю такой, какая ты есть!

В ресторане стихло. Люди непонимающе переглядывались друг с другом. Никто ничего не понял. Кейн нарушил затянувшееся молчание:

– Что за бредовая клятва?

– Это из «Милый во Франксе» – любимое аниме Куки, – довольно произнес Малик.

В глазах Куки стояли слезы счастья.

– Почему вы не написали собственные клятвы? Почему обязательно надо цитировать фильмы? – Кейн устало закатил глаза.

– Мы – поколение, выросшее на жизни людей из Хроник, – незатейливо ответил Малик.

– Нас никогда не окружала та жизнь, которой вы жили до Вспышки. Все те смешные и романтические радости были только на экранах мониторов, – поддержала Куки.

Кейн нахмурился и осмотрел зал.

Я по глазам видел его замешательство от осознания факта, который жил с ним плечом к плечу уже сорок лет: он чужак среди почти трехсот людей, он никогда не поймет нашего голода по человеческим радостям до апокалипсиса, а мы никогда не пойдем его траура, его печали длиною в жизнь целого поколения. Кейн жил задолго до момента Вспышки, пережил конец света и стал свидетелем зарождения новой ци-

визитации. Настолько, насколько странным кажется он нам, настолько же из ряда вон видим его мы.

Он познал все радости, о которых мы могли лишь грезить: жизнь на берегу океана, колесо обозрения диаметром триста метров, фруктовое мороженое и крем от геморроя. Ничего подобного мы никогда не видели и не имели, в сравнении с доктором Кейном мы – римляне, подтирающие задницу палкой с губкой, пропитанной соленой водой. Вот такой вот поворот в развитии вспять.

Я мало знаю этого парня, а тот факт, что на вид ему около тридцати пяти, а на самом деле уже семьдесят, невольно бросает в дрожь. Он кажется древним вампиром с собственным коварным планом в голове, готовый воспользоваться нами и подставить, когда ему будет удобно. Вдобавок, с ним спелась Тесс, а она, как стало ясно этим днем, в мужчинах вообще не разбирается. Предыдущий ее старик пытался ее убить, и теперь мы с интересом ждем очередной фатальной развязки в ее новых отношениях.

– Будь по-вашему, – тяжело вдохнул Кейн. – Объявляю вас мужем и женой. Можете поцеловать друг друга.

Ресторан взорвался оглушительными аплодисментами, под которые Малик уложил Куки в свои объятия на манер голливудского романтического фильма и страстно поцеловал.

– Не расходиться! Никому не расходиться! Надо запечатлеть этот момент! – командовала Хайдрун.

Странная девчонка с длиннющей копной рыжих волос командовала вечером как бессердечный фюрер. Ничто не должно было выйти за пределы ее плана, она предусмотрела каждый шаг, каждый вдох и взмах ресниц участников свадебной церемонии и готова была убивать ради приношения жертвы на алтарь перфекционизма. Она дистанционно управляла фотокамерой, сохраняя в электронной памяти настоящую человеческую жизнь, которой в гостинице становилось все больше.

– Через двадцать лет сфотографируемся здесь же в этих же позах! Люди до Вспышки так делали, чтобы запечатлеть, как меняло их время! – радостно объясняла она.

– Мы через двадцать лет останемся такими же, – напомнил Ульрих.

Вирус наделил их ускоренной регенерацией, а потому они старели гораздо медленнее обычных людей.

– Но мудрость в глазах же никто не отменял! – огрызнулась рыжеволосая фюрерша.

Все тут же закивали. Удивительно, насколько сильно они боялись эту девчонку.

– Хайдрун заведует текстилем. Так что если хочешь получить новую одежду, придется ей поддакивать, – шепотом поделился со мной секретом Фабио.

А потому, когда в голову Хайдрун взбрела какая-нибудь сумасшедшая идея вроде ночных шабашей в полнолуние летом, омовения водами горной реки в день равноденствия или

плетения веников удачи из веток, срубленных молниями, никто не возражал. Все были обязаны угождать духам Хайдрун в надежде, что в новом году она одарит их новой футболкой, пижамой или нижним бельем. С последним вообще у всех туго было. Вот так Хайдрун узурпировала власть.

Я уже две недели наблюдаю за этими мутантами, у них тут сформировалась своя иерархия отношений, как и в любых общностях.

Главным, разумеется, был загадочный доктор Август Кейн – человек, заставший Вспышку, но не любящий рассказывать о ней. Его последователи тщательно охраняли секреты своего господина, и ни один так и не поведал о том, о чем Кейн так упорно молчит. Разумеется, к этому скрытому, и я уверен важному, знанию присосалась и Тесс. Она вообще всегда присутствует там, где варится тайный заговор.

Правая рука Кейна – его лабораторный ассистент Малик. Очень доверчивый, добросовестный парень, поддерживающий идеи Кейна упорно и вслепую. Кейн, видимо, специально окружил себя ведомыми. Божена уже восемь лет смотрит ему в рот в надежде, что в нем когда-нибудь окажется ее язык. Но Тесс перерезала все эти надежды на корню, и теперь я с удовольствием ожидаю кульминации в этом треугольнике отношений, потому что Божена – мстительная эгоистичная стерва, и она этого даже ни от кого не скрывает.

Еще один союзник Кейна – хакерша с синими дредами Арси с необъяснимой тягой к дермантиновым курткам и аро-

мамаслам, поставщиком которых для нее стал неумеха-поваришка Свен. Есть такие женщины, которые питают слабости к неудачникам, и Арси – из их числа. Иначе я не могу объяснить эти странные любовные отношения. Арси высокая своенравная и даже боевая бунтарка, а Свен на голову ее ниже и на голову же ее шире с глубоким комплексом неудовлетворенности своей внешностью, который заставляет его отпускать эспаньолку – формальный признак мужественности.

Самыми нормальными и нейтральными во взаимоотношениях, как всегда, являлись инженера. Немой Миша, рыжий Ульрих и итальянец Фабио. С ними я быстро нашел общий язык. К сожалению, их нейтральность делала из них плохих осведомителей, они больше фанатели от системных плат, баллистических экспериментов и механики, нежели от людских взаимоотношений. А потому приходилось рыскать в поиске информации в других местах.

И тем не менее, я не мог не заметить, как разительно отличалась здешняя атмосфера от той, что царила на холодной сырой подземной Желяве.

На Желяве мы мало обращали внимание друг на друга, мы были ослеплены единственным стимулом – выжить любой ценой, и любые романтические мотивы и сентиментальности обходили нас стороной либо мы сами гнали их прочь. Теперь же я не мог не заметить постепенную смену атмосферы, когда с каждым днем свобода на поверхности станови-

лась доступнее.

Люди ограниченным количеством работали на заднем дворе под фильтрующим куполом, который был далек от совершенства, но уже подавал неплохие надежды, ведь его вертикальные теплицы дадут натуральный урожай из овощей и салатов, которые наконец разбавят соевые бобы. Люди стали жить над землей, пусть и в герметичном боксе размером в два этажа, но это тоже был огромный шаг вперед.

Взять хотя бы сегодняшнюю гонку мутантов, которую устроили ради потехи жителей восточного крыла: они с азартом наблюдали за кроссом ребят вокруг гостиницы, перебегая от окна к окну и болея за своего бегуна. Выиграл Зелибоба. Тесса пришла последней. Мутант из нее хреновый.

Куки развлекала людей йогой в спортзале, даже Падальщики присоединились к этому занятию. Правда Фунчоза в основном всем портил воздух, изогнувшись в десять петель в очередном асане, за что его долго проклинали, так что до глубоких медитаций нам пока было далеко. И все же жизнь людей все больше наполнялась дружбой и веселыми событиями.

Более того, сегодня проснулась зараженная, которая стала центром важнейшего эксперимента Кейна, и снова ее пробуждение добавило надежды во все более ярче разгорающийся огонь человеческой жизни. Мы жили триумфом. Мы были опьянены им. Никогда еще моя жизнь не была наполнена столь сильным предвкушением чего-то хорошего, кото-

рое заставило меня забыть бездонное отчаянье, пожиравшее мою душу в подземельях Желявы. Я был готов экспериментировать, как Кейн. Он многих заразил своей победой, которая сверкала, как яркий пример того, что самая маловероятная гипотеза может оказаться верной.

– Я хочу взять Лина завтра в миссию, – сообщил я своим сержантам.

Электролюкс уже всюду загружался рисовым пуддингом и пятидесятилетним шардоне, Вольт пал жертвой томных взглядов группы девушек, под влиянием все того же престарелого шардоне. Вот тебе и другая сторона отсутствия отчаяния. Когда мы вместе были озадачены тревогами по поводу нашего выживания, он мне нравился больше. Никакой радости и развлечений, а лишь работа и решение задач.

– Командиры тебе не позволят. Лин – человек, – наконец произнес Вольт, нехотя оторвав взгляд от румяных девиц.

– Лин шарит в настройке серверов, а нам нужно настроить пакетную коммутацию между маршрутизаторами.

– Раньше нам радиорелейной связи было достаточно. Чего тебя на оптоволокно потянуло? – спросил Электролюкс с набитым ртом.

Брызги рисового пуддинга изо рта Электролюкса осели на моей черной футболке яркими белыми пятнами, но шардоне не позволило ему этого заметить.

– Вся территория Европы уже прорежена волокном, нам всего-то и нужно, что возобновить передачу. Радиорелейка

дает скорость потока данных всего десять гигабит в секунду, а оптоволокно – терабайты.

– Нам хватало.

– Мы жили под землей! – произнес я напором.

Наконец шардоне чуть ослабило хватку мозгов моих сержантов, и они обрели долю серьезного настроения, в котором жили последние двадцать лет до приезда сюда.

– А сейчас мы на поверхности ловим сигнал от неизвестной базы, на которой могут обитать другие люди. Нам необходимо восстанавливать оптоволоконную связь, чтобы общаться с остальными базами выживших.

– Ты даже не знаешь, что мы там найдем, – недоверчиво заметил Вольт.

– Может, это просто глюк или старая база данных потекла от глюкнувшего сервера.

– Чую я, не все так однозначно с этой поверхностью. Мы с вами ехали сюда, не зная, что нас ждет. А теперь ты стоишь на втором этаже здания и пьешь кислую гадость из Хроник по пятьдесят баксов за бутылку.

– А ведь я чуял, что они переоценивали эту хрень, – Электролюкс дополнил бокал до краев, демонстрируя абсолютное отсутствие логики между словами и действиями.

– Хочешь Лина – будет тебе Лин. Ты главное у Тесс спроси.

– Она мне не начальник. Мы на одном уровне иерархии, – тут же взъерошился я.

– Это было на Желяве. Тут нет Генералитета. Тут есть одиозный Кейн со сворой заразных для нас чуваков, которые пляшут под ее дудку.

– Я не один из них! И никто из командиров Падальщиков не встанет под ее флаг!

– Можешь хоть обдристаться здесь своей гордыней, но она тут нехилую заварушку устроила, признай. Гонялась за зараженными, тыкала в них шприцами, а потом вообще врукопашную сошлась и в клетку посадила в то время, пока мы сидели в тюрьме и ждали расстрела.

Все Падальщики, а потом и выжившие люди смотрели видеозаписи, сохранившиеся после миссий Тесс в ИКЕЮ, в лес, в оптический завод. Умопомрачительные догонялки с опаснейшими существами на земле превратились в местную пропаганду, быстро переключивались из компьютера в компьютер и превращались в динамичные экшн-видеоклипы, даже музыкальными ремиксами обрастали. Армия поклонников Тесс пополнялась.

Среди Падальщиков же доля солдат восхищалась ею, другая часть по-прежнему относилась к ней с недоверием, были и те, кто откровенно ее не переносил, потому что знал ее суровое и временами жестокое нутро одиночника, ставившего цель превыше человеческой жизни. Кто-то даже видел в ней будущего Триггера, ну а после того, как Фунчоза вырезал надпись на первом этаже, теперь все понимают, что схожесть их характеров привела к схожести в других аспектах.

И это не случайно. Люди объединяются мотивом.

И все же Тесса заслужила обожание и даже благодарности от Падальщиков, пусть и скупой. Я за все те двенадцать часов оригинальных записей ни разу не моргнул, не глотнул, а Фунчоза даже два обморока разыграл: первый, когда Тесса дралась с зараженным на кулаках, а второй – когда Ульрих подавился сосулькой в лесу, и каждый раз когда в кадре отвинчивали колпачок на пакете с кровью, Фунчоза вскрикивал, как девчонка, и прятался за спинкой кресла с криками:

– Они уже померли? Кровищи много? Органы торчат?

Электролюкс был прав. Я обязан был Тесс многим, жизнью в том числе. Если бы она с ребятами не пришла на помощь погибающей Желяве и не привела бы сюда в горы, мы бы уже умерли в пастях зараженных в тех же лесах, где она загоняла их в ловушки, а Ульрих давился сосулькой.

А потому я поступил правильно и направился к Тесс.

Я не спрашивал разрешения, для меня это неприемлемо. Но я обрисовал ей свой план и раскрыл все аргументы, которые она внимательно выслушала.

– Говоришь, Арси нужен Лин в миссию? – с недоверием спросила она.

Ну хорошо. Не все мои аргументы были правдивыми. Я понятия не имел, что думает об этом Арси. Я вообще эту девчонку всего один раз в жизни видел.

– Антенна, Лин – человек. Мы не можем вывозить его из гор.

Тесса вежливо опускает «умалишенный». Потому что отец Вьетнам только и делает, что бубнит про пришельцев. На Желяве рассказывали, что Падальщики нашли его лет сорок назад, блуждающим по лесу. Он даже имя свое не знал. Только и повторял «лин, лин, лин». Так его и называли.

– А я не буду дважды повторять, почему он мне нужен, – ответил я Тесс.

Она тяжело вдохнула, понимая причину, по которой я заговорил с ней, а потому снизошла до уважения моей позиции.

– Если берешь человека в миссию, то только под свою ответственность. Запасись линиментом, – ответила она

Я ушел, не ответив.

Но заметил, что нынешний триумф сделал Тесс спокойнее что ли. Похоже ее тоже отпустили тиски выживания, и она наконец ощутила приятный вкус попутного ветра, она даже позволяла себе улыбаться.

– Все дело в стабильном трахе! – у Фунчозы была своя версия.

Как впрочем и всегда.

– На Желяве Триггер ее имел раз-два в месяц, а тут вон тот старикашка ее каждую ночь ублажает!

Фунчоза не старался говорить тихо. Наоборот. Он старался перекрикивать музыку, чтобы его слова услышало как можно большее количество людей вокруг.

– Зачем тебе понадобился мой отец?

Вьетнам слушала меня со сложенными на груди руками.

У нее довольно сложные отношения с отцом. С одной стороны она с него пылинки сдувает, с другой никто не хочет иметь отца-шизофреника. Он всегда говорит только два слова: звезда и пришельцы, а Вьетнаму приходится расшифровывать да и вообще жить со всем этим бредом всю свою жизнь. На Желяве ее часто дразнили за умалишенного папаню, что закалило ее дух и кулаки – все дразнители испробовали ее кулаки. Однако, комплекс кулаками не выбьешь, а потому отец всегда оставался больной для Вьетнам темой.

– Потому что меня бесит, что эти мутанты считают себя лучшими во всем. Они, видишь ли, быстрее, сильнее, выносливее. Но уж никак не умнее людей! И мы это докажем! – с жаром произнес я.

– О-о-о, папахивает расизмом. Мне это нравится! Берем узкоглазого! – Фунчоза запрыгал и захлопал в ладоши.

Вьетнам по-прежнему смотрела на меня исподлобья.

– Я не собираюсь подвергать риску своего отца, только что бы вы, мальчики, потешили себялюбие.

– Не слушай ее, берем!

– Вьетнам, твой отец – гений. Заставь его блистать вместо того, чтобы прятать его по подвалам!

– Берем уже!

– Они думают, что мы беззащитные овечки и что все, что мы можем, это бесполезно трястись от страха. И Тесса давит на это! Она встала в позу и заявила, что никогда сумасшед-

ший не взберется в ее Аякс.

– Что она сказала?

– Так и сказала?

– Да я ее сейчас...

Я придержал Вьетнам за плечи.

– Поступи умнее! Докажи им всем, что среди людей есть не только brave солдаты, но и умнейшие компьютерные инженеры.

– Говорю ж, берем желтолицого!

Вьетнам мерила Тесс разъяренным взглядом, готовая испепелить. Я уж испугался, что своей неаккуратной игрой и впрямь разожгу перепалку. Но Вьетнам согласилась поступить умнее.

– К черту. Беру отца с собой!

– Берем! – закричал Фунчоза, как боевой клич.

– И если завтра она начнет что-то вякать по поводу его присутствия...

– Оставь это мне, я во всем разберусь, – успокоил я Вьетнам.

Ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы они две заговорили на эту тему.

Я покинул ребят довольный своей победой. На секунду в мозг проползла мятежная мысль: а сколько из того, что мы знаем о Тесс, являлось бы правдой, если бы о ней не сочиняли гнусности и не втягивали в конфликт без ее ведома? Какова вина самих Падалыщиков в ее репутации?

К счастью, мысль уползла очень быстро под давлением вездесущего мотива.

17 февраля 2071 года. 20.00

Калёб

Передо мной пробежала Каришка с зажатым в кулачке желтым яйцом Тамагочи, который она несла, как олимпийский огонь.

– Смотри-смотри, Акира! – Каришка тревожно дергала Фунчозу за штанину.

Фунчоза осмотрел дисплей Тамагочи и печально произнес.

– Сдохла, – печально произнес Фунчоза.

– Нет! – заревел Каришка.

– Заряд сдох.

– Что делать? – Каришка смотрела на Фунчозу испуганными глазами.

– Давай сделаем так, завтра возьму с собой и в пути заменю аккумулятор.

– А сегодня никак?

– Запчасти нет, пупсик. Запас на Желяве остался, – грустно произнес Фунчоза.

– О. Ну тогда я подожду. Только привези аккумуляторов побольше! Чтоб мне на всю жизнь хватило!

Фунчоза присел перед девочкой и нежно потрепал за щеку.

– Дурында ты. Пряма вся в меня, – произнес он с улыбкой. – Будет тебе гора аккумуляторов с тележкой. Живи долго и процветай, Тамагочи!

– Живи долго и процветай⁷! – Каришка крикнула и подняла руки вверх, разведя средний и безымянный пальцы.

Фунчоза не хотел этого признавать, но он ладил с детьми, и несмотря на его неуравновешенность, ребятня его любила. Он был простым и бесхитростным, а еще рассказывал всякие интересные истории про миссии Падальщиков. Например, сегодня утром за завтраком он рассказал детишкам шести лет о том, как зараженные разрывают маленьких детей в ключья и обгладывают им кости, если они не делятся с Фунчозой яблочными хлебцами. После этого он получил подзатыльник от Алании, но эффект уже был оказан, и куча рыдающих сопляков облепили женщину и утирали слезы о ее подол, моля отдать Фунчозе все их яблочные хлебцы.

Фунчоза обучал сурово, но эффективно. Почему-то мне кажется, что из него вышел бы неплохой преподаватель сольфеджио.

Я завидовал ему. Не буду лукавить, что когда стало известно о его матери, я задался вопросом, почему вселенная, или господь, ну или кто там сидит, решил наградить этим даром самого блаженного из нас. Чем он это заслужил? Но потом я задушил эту зависть на корню, потому что столь низкие

⁷ Вулканский салют из телесериала «Звездный путь» и одноименной серии фильмов.

мысли не должны терзать braveго солдата. Жизнь несправедлива, но так скажет только тот, для кого она повернулась задом. В тот же момент она повернулась кому-то лицом, а значит он будет считать это счастьем. Для одного горе – для другого трагедия. У одного заберут, другому подарят. Все в равновесии. И я заставлял себя радоваться за Фунчозу, который каждое утро навещал свою спящую мать в плексигласовом боксе в подвале гостиницы, чтобы пожелать ей доброго утра, и каждый вечер – чтобы рассказать о том, что произошло этим днем. Кому-то это казалось нелепым, но во времена Хроник люди часто говорили с теми, кто был в коме, и состояние матери Фунчозы ничем от комы не отличалось.

Пробуждение Лилит обозначило новую веху. Теория сработала, а значит следовало продолжать терапию. Теперь мы стали жить ожиданием пробуждения Тарьи – матери Фунчозы, которую Кейн уже готовил к перемещению в лабораторный бокс.

Удивительным образом план работы Падальщиков теперь был расписан на месяц вперед. Если на Желяве мы ждали миссий как наркоманы до дрожи в коленях, получая дозу раз в месяц, то теперь готовы были молиться о выходном. Но никто бы не позволил себе ныть по этому поводу. Слишком многое стояло на кону, и слишком долго мы сидели под землей, чтобы отдыхать теперь.

Сегодня днем я поймал себя на мысли о том, что вдруг стал думать о матери Фунчозы как о своей, представляя день,

когда она очнется от долгого сна, потянется на кровати и расскажет наконец, почему ее сын такой конченный придурок. Но самое интересное было в том, что во взгляде каждого Падальщика я читал те же мысли и чувства: с сегодняшнего дня каждый из нас теперь работал ради незнакомой нам, но столь прекрасной Тарьи, олицетворявшей маму для всех нас.

В ресторане продолжались танцы и пиршество, давно я такой вечеринки не видывал. Колонки радовали динамичным техно-электро-тектонико-лаундж-попом, который выбрал странный Йонас, отовсюду звучал залиvistый смех и нескончаемые разговоры, солдаты слились с гражданскими в плотной массе танцующих рук-ног, тяжело пахло потом и мускусом, но никто не смел игнорировать невидимые волны всеобщей эйфории.

Я прошел мимо пары солдат – Сопля и Барахлюш – со времен переворота на Желяве они стали вездесущим хвостом Бриджит, первые помощники, которые лезли за ней в огонь, в воду и канализацию.

– Где ваш сержант? – спросил я.

Они тут же нарочито выпятили вперед груди – столь разные по внешности и столь же разительные по характерам, однако столь похожие в отваге. Сопля высокий долговязый, Барахлюш на три головы ниже, но шире на четыре размера.

– Э-э-э, сержант э-э-э. В дозоре! – ответил Сопля.

– В каком еще дозоре? Никто у нас не стоит на дозоре. Ври правдиво, Сопля. Подставляешь своего начальника, –

поучал я.

– Так точно, командир, ой то есть, сержант... А вы у нас сейчас командир или сержант? – подхватил Барахлюш своего товарища.

Я стоял неподвижно и смотрел на солдата, не моргая, отчего тот тут же стал чувствовать себя неуютно. Но он был прав. Со всем этим возвращением из мертвых мы так и не поставили окончательную точку в том, кто сейчас командир отряда Маяка. Изначально им была Тесс. Потом она, вроде как, умерла, и командиром стал я. Потом я вроде как умер, а потом вернулся. А потом вернулась Тесс... В общем, вопрос был резонен и я просто переспросил:

– Ну так где Бридж?

– Сержант требовала покоя! – заступился Барахлюш.

– У Горе-Федора что ли?

– Да. То есть нет. То есть я не знаю.

Я покачал головой. И что Бридж в них нашла?

Я понял, что это за покой. Бридж его только в самогоне находила, а поставщиком у нее был всегда лишь один демон, и тот в кухню меня не пропустит, если Бридж не захочет – такая уж у них договоренность. А после того, как Бридж спасла жизнь Горе-Федору на Желяве, выведя через смертельные коридоры к эвакуационным Аяксам, он теперь точно ляжет грудью на ее амбразуру.

Убедившись, что Бридж под стопроцентной защитой Горе-Федора, я отправился на поиски той, что избегала меня с

самого первого дня нашего приезда в Бадгастайн.

Я нашел Тессу на террасе. Она стояла на улице и смотрела на небо. Черт, какое же оно прекрасное и бесконечное. Ясное зимнее небо испещрено звездами, россыпь ярких точек вырисовывали знакомый узор Млечного пути, который я видел лишь на фотографиях в учебниках. Мир наверху великолепен, и мне больше не хочется его покидать.

Я подошел к окну. Я не могу выйти наружу – еще долго герметичные помещения будут моим спасением. Но я почти рядом с Тесс, ведь нас разъединяет всего один сантиметр прозрачного стекла.

– Последний раз я наблюдала за звездами в деревне с Тиграном. И вот уже два месяца живу на поверхности, но из-за постоянной суеты забываю о чудесах, которые меня окружают здесь, – сказала Тесса, заметив меня краем глаза.

– Наверное наши предки тоже не замечали красоту природы вокруг, сосредотачиваясь на искусственных вещах, которые мне не понять, – добавил я.

– Вот так незаметно начинаешь ступать по их пути, уверенный в том, что никогда не повторишь их судьбу, – Тесса развернулась ко мне боком и прислонилась к оконному откосу.

Она была права. Со всей этой гонкой за выживание мы все реже обращали внимание на столь прекрасные явления вокруг нас, которые и придают ценность жизни: смех друга, знак внимания от незнакомца, подарок, горячее рукопожа-

тие.

Пар вырывался из ее рта, из-за этого посреди ночи она казалась еще более бледной, чем обычно.

– Все в наших руках. Теперь мы сами строим свой мир, – заметил я.

Тесса взглянула на меня.

– Думаешь, у нас получится? Сосуществовать?

Я задумался. У меня до сих пор не было ответа на этот вопрос, и Тесса читала мою неуверенность во взгляде.

– Триггер прав. Я ведь отныне даже не могу прикоснуться к тебе без риска навредить, – сказала она почти шепотом.

Я затаил дыхание и украдкой спросил:

– А если бы не боялась, прикоснулась бы?

Тесса понимала, о чем я спрашиваю, или даже скорее – о чем прошу. Она тут же нахмурилась и опустила глаза. Ей никогда не нравились эти разговоры, она пресекала их, едва заметив первые слова в моих молящих глазах. Она всегда была жестока со мной, и мне всегда это казалось несправедливым. Теперь же, когда граница между нами перестала быть невидимой, я обрел уверенность в своем требовании. Я имел право хотя бы заявить о нем.

– Я не перестаю задаваться вопросом: почему они? Они все? Триггер, Кейн... Но не я.

Вот так спустя восемь лет я объявил о своем праве хотя бы узнать причину. Я был готов к очередному отнекиванию, закатываю глаз, взмаху руки, как от надоедливой мошки. Но

Тесса тоже решила перестать бегать от ситуации, потому что понимала, что рана не исчезнет со временем, она никогда не переставала кровоточить.

– Может быть, потому что я слишком люблю тебя, Калев, – ответила она едва слышно.

Я нахмурился. В ее глазах заблестели слезы. Она глубоко вдохнула и напором выдала слова, что жгли ее душу все эти года.

– Я слишком сильно люблю тебя, и боюсь, что, потеряв тебя, не переживу этого.

Вот так просто Тесса призналась в любви. В очень странной любви. И эгоистичной с одной стороны, и логичной с другой.

– Мир слишком жесток, непредсказуем и голоден. Я уверена, что, как только подпущу тебя к себе, он сожрет тебя. А я не смогу с этим смириться. Так было со всеми, кого я люблю. Так случилось и восемь лет назад, когда ты едва не умер.

Я вдруг постиг озарение. Все это время я недопонимал Тесс. Не только физическая боль от ожогов закалила Тессу, но и боль от потери брата, осознание того, что она едва не потеряла меня.

– Ты делаешь выбор за меня. Я об этом не просил. Никто не давал тебе право решать за других, – произнес я, меня вдруг охватила злость.

– Но я решила. И не жалею. Я всегда ныряю очень глубоко, Калев. Мои поступки граничат с самоубийством, я отправ-

ляюсь в миссии с осознанием того, что не боюсь умереть. Но я жутко боюсь терять кого-то. Меня это ломает. И когда я вижу тебя рядом с Бридж, я спокойна, потому что знаю, что она не позволит тебе прыгнуть за мной в пропасть.

Ответ, который я желал, становился все четче с каждым произнесенным словом, но я уже не хотел дослушивать его до конца.

– Твоя смерть, Калев, уничтожит меня. Она выпотрошит меня, и я никогда не оправлюсь.

Я прислонился к стеклу лбом, прижал к стеклу бионическую ладонь и отчаянно звал Тесс не отвергать меня. И она не стала противиться, как всегда до этого. Она прижала к стеклу свою ладонь. И пусть не полностью, но мы прикоснулись друг к другу, как раньше, как восемь лет назад: ладонь в ладонь.

– Если любишь меня, сделай, как я прошу.

И собственноручно разрывая свое сердце на части, я кивнул.

17 февраля 2071 года. 21.00

Ноа

Ляжка не отходит от меня ни на шаг, мой вездесущий хранитель и неизменный спутник в путешествии длиною в вечность.

Ее присутствие с каждым днем становится все навязчивее – она испытывает мою прочность, охваченная верным пред-

чувствием моего духовного дисбаланса. Она единственная из командиров Падальщиков носит в сердце искреннюю веру в бога, на том мы с ней и сблизились, ведь я вижу божий умысел во всем вокруг: в окружающих людях, внезапных событиях, даже в дуновении ветра и жужжании насекомых. Бог везде. Бог необъятен, как и неизмерим. Он в каждой живой сущности, в каждом моем вдохе и каждом стуке сердца.

Бог – это я, это моя жизнь, моя радость и моя боль.

С тех пор, как моя пуля принесла смерть младшей из сестричек-шишек – Маришке – бог блюдет мою корчащуюся на предсмертном одре совесть, как врач, методично измеряющий, сколько мне еще осталось. Тиски, сжимающие мое искусственное сердце с каждым днем становятся все реальнее и физически ощутимее. Томас, изучивший состояние титановых компонентов и силу магнитной левитации между пластинами, сообщил, что мое искусственное сердце работает, как ему и положено – это часы, и тикают они исправно.

– Тебе не стоит волноваться, – сказал он, похлопав меня по плечу.

Он был уверен в том, что я проживу дольше всех остальных своих товарищей, ведь инженеры Желявы подарили мне вечный двигатель. Сердечно-сосудистые заболевания – основная причина смерти во всем мире во все времена: ни по какой другой причине ежегодно не умирало столько людей, сколько от проблем с сердцем. Эта статистика времен до Вспышки переключевала и во времена апокалипсиса, потому

что в условиях подземной жизни без солнечного света и со скудным питанием преждевременные инфаркты и инсульты непредотвратимы.

Мне суждено умереть от хронической пневмонии или деменции, обезвоживания вследствие длительной диареи или инфекционных осложнений. Но сердце мое до конца будет стучать, как часы. Я превращусь в безжизненный овощ, но тиканье в груди будет продолжаться. Если оставить мое сердце в теле после того, как в организме откажут все органы до последнего, титановые пластины все равно будут продолжать качать кровь, благодаря магнитам. Со временем вены, артерии, сосуды станут дряблыми, кровь начнет просачиваться сквозь стенки, кости превратятся в трухлявые стебли и начнут крошиться, тело будет медленно гнить, но сердце будет продолжать биться. Никто не знает, каков его запас прочности, это – экспериментальная модель. Эксперимент длиной в жизнь его носителя, даже если носитель уже давно перестал быть его частью.

– Тебе не стоит волноваться...

Мое сердце излучает магнитное поле, по силе которого Томас определяет его мощность, измеряет частоту биения вплоть до миллисекунд. Он подключает цифровой магнитометр к разъему в груди, как будто я робот, и внимательно отслеживает показания. Я знаю, что они в порядке. Мое сердце мощно, как и раньше.

Слова Томаса до сих пор отзывались эхом где-то в глубине

памяти.

Ляжка видела то, чего не видел никто другой – тревога меня не покидала. Возможно, тревога стала причиной сбоев в работе мембранных желудочков или прерываний магнитной левитации, из-за которых у меня начиналась одышка. Изредка ее замечала только Ляжка. Я же в этой аномалии видел совершенно четкий божий умысел – мне построили дорогу напрямиком к моему раскаянию.

Конец пути обрисовался так ярко и так естественно, что я не видел в нем ничего пугающего или отвратного. Я готов к концу. Теперь я это знаю. Я готов.

– Тебе не нужно проводить со мной все свое время, – произнес я.

Ляжка сидела рядом со мной за столом, уставленным яствами, каких никто из нас еще никогда не видывал: фруктовые пироги, разнообразные салаты, овощные рагу, чечевичные котлеты, а в количестве разновидностей морсов и компотов я даже боялся ошибиться. Жаль, что ничего из этих вкусностей не могло вернуть меня в прежнее расположение духа, когда совесть еще не терзала запахом крови невинной девочки на моих руках.

– Я нахожусь здесь, потому что хочу находиться здесь, – ответила Ляжка.

Ответ ее был неизменен. Она стала мне нянькой с тех самых пор, как удивительным образом почуяла во мне острую перемену.

После бойни на Желяве изменились все. Ни для кого та кровавая резня не прошла бесследно. Кто-то впал в глубочайшую депрессию, другие впали в безудержный активизм, пытаясь побороть гнетуще мысли физической нагрузкой, у третьих то и дело просачивались наружу первые предвестники умопомешательства. И, тем не менее, на фоне развившихся диагнозов от зоркого глаза Ляжки не скрылись мои тяжкие мысли.

– Халил не монах. Он долго ждать не будет, – напомнил я ей.

Инженер Халил положил взгляд на Ляжку в самый первый момент их знакомства в деревне, стертой с лица земли нашептом мара. Их знакомство продлилось на Желяве совсем недолго ввиду мятежа, устроенного Падальщиками. Сейчас же бог подарил им благодатнейшую почву для продолжения отношений, но Ляжка добровольно отвергала сей дар, чтобы сопроводить меня по пути к моему искуплению греха, о котором не ведал никто, кроме моей совести.

Халил стоял поодаль в группе нескольких парней, которые веселыми возгласами и задорным смехом притягивали внимание девушек, как нахохлившиеся павлины. Лишь Халил четко выбивался из этой компании – его глаза постоянно прыгали на Ляжку, которая делала вид, что не слышит этого безмолвного зова.

– Если захочет, дождется, – коротко бросила Ляжка, хрустя картофельными чипсами. – Но если ты перестанешь

хандрить, то ему не придется долго ждать.

Ляжка пыталась манипулировать, давя на мою слабую точку под названием «благополучие Ляжки». Но, увы, даже озабоченность ее личным счастьем не могла встать в сравнение с тяжелым грузом стыда, обвитым горечью утраты, как удушающей змеей.

– Тебе не стоит тратить на меня время, – ответил я ей.

– Это мое время, а значит и мне решать.

– Мой конец уже близок, твои усилия окажутся бесполезными.

– Ты уже надоел своим фатализмом. Знаешь, сколько лет ты уже твердишь о своей скорой кончине? Восемь! Восемь чертовски долгих лет. За эти восемь лет два десятка детей успели родиться и умереть на Желяве, а ты все никак не достигнешь своего конца.

Ее негодование было оправдано. С тех пор, как мне заменили мое сердце на искусственное восемь лет назад, я обрел дар зрячего. Теперь я вижу и чувствую больше, чем когда был наделен человеческим сердцем. Станным образом сталь в моей груди пробудила дремавшие меридианы тела, мне открылось знание бога, как если бы настоящее сердце было блокатором священного потока, вливающегося в человеческие тела из вселенной вокруг.

– В этот раз все иначе. Я чувствую, что моя жертва где-то рядом. Она положила руку мне на плечо, словно готова позвать в любой момент.

Ляжка с тревогой воззрилась на мои плечи, как если бы и в самом деле пыталась увидеть смерть, стоящую позади меня. А потом она пригнулась над столом и заговорила тихо:

– Буддист, что произошло на Желяве в день прорыва? Расскажи.

Я опустил глаза. Священное знание не лишило мое тело физических реакций на боль. Слезы то и дело находили путь наружу.

На пике эмоций я уже было хотел открыться ей и вывернуть наизнанку огнем горящую совесть от греха, что хлестал меня пламенным хлыстом: я убил ребенка, я убил Маришку! Но также внезапно, как и появился, порыв исчез, напомнив мне об истинной цели смерти девочки.

– Мне был послан знак о том, что в скором времени я должен буду совершить жертву.

Равнозначный обмен. Моя жизнь, отданная добровольно, как плата за отнятую жизнь невинного дитя.

Ляжка хмуро смотрела на меня, ей должно быть надоела моя заезженная пластинка, по крайней мере, она не пыталась этого скрыть своим взглядом. Я был готов к тому, что она тяжело вздохнет и покинет меня, утерев руки, мол, я сделала все, что могла.

Но Ляжка продолжала сидеть рядом и смотреть на бесноватых людей, танцующих под зажигательные басы музыки давно ушедших лет. А чтобы укрепить мою уверенность в ее верности мне до последнего, Ляжка взяла с огромной тарел-

ки гречневый хлебец и продолжила хрустеть, как будто тем и занималась последние полчаса.

Халил вдалеке опустил свой взгляд, осознав, что и сегодня Ляжку ждать не стоит. Но его горделивая осанка и вздернутый подбородок твердили, что готовы ждать ее дальше.

Очередной сбой в магнитных полях сердца заставили его упасть, а потом сердцебиение возобновилось в нормальном ритме. Нет. На этот раз то была не боль. То была мимолетная радость оттого, что я не один на своем пути к предназначению. Моя верная подруга, моя верная жена из прошлой жизни по-прежнему сопровождала меня в моей карме, помогая в достижении катарсиса, который был уже очень близок.

17 февраля 2071 года. 23.00

Бриджит

Горе-Федор продолжал пыхтеть над салатами и морсами, потому что человек – это ненасытное чудовище и во все времена только и делало, что требовало хлеба да зрелищ.

Свадьба удалась. Хотя я не знаю, удалась она или нет, я еще ни разу на свадьбах не была. Как таковых свадеб-то и не устраивали уже давно. Уже лет сорок. Но я сидела на полу посреди кухни между рядов кухонных столиков и шкафов и уплетала галеты с начинкой из консервированных персиков, и еще никогда не чувствовала себя такой счастливой.

Во-первых, Горе-Федор – гений, мать его! Как только инженера герметизировали восточное крыло гостиницы, Го-

ре-Федор получил доступ к огромной кухне с горами утвари, шеренгами холодильных комнат и залежами бакалеи и консервов. Счастье началось именно здесь. Причем для всех: и для наших, и для здешних, потому что местный поваренок Свен уже восемь лет пытался отравить своих друзей, но, видимо, ускоренная регенерация спасала их желудки.

– Чтобы каша получилась рассыпчатая, надо соблюдать правильное соотношение воды и крупы. Чтобы в тесте не было комочков, процеди его через сито. Хумус получится нежным только в холодной воде, его нельзя нагревать, – Горе-Федор каждый день учил Свена тому, что Свен уже за восемь лет должен был изыскать хотя бы методом проб и ошибок.

Как только закончилась церемония бракосочетания, которая оказалась довольно трогательной и милой, потому что в ней видели не только праздник любви, но и торжество человечества над апокалипсисом, я посидела за столом для приличия пятнадцать минут, а потом ушла к Горе-Федору, потому что здесь получу гораздо больше яств, чем выставлено для остальных. Мы с Горе-Федором давние друзья, он мне почти как брат, пусть он и рыжий упитанный великан под два метра ростом.

У Горе-Федора не было такого разнообразия продуктов на Желяве, как здесь, и кулинарным премудростям он учился по Хроникам. А когда дорвался до здешнего рая, откалался уходить из кухни и уже жил здесь посреди сковоро-

док, и был только рад кормить двести пятьдесят человек без усталости и перерыва. Свен стал су-шефом, ходил хвостом за Горе-Федором, первым снимал пробу и удивленно вздыхал, пока остальные шесть ребят делали всю работу по готовке. Эдакий эффективный менеджер – бестолковый и затратный.

В ресторане продолжались буйные танцы, музыка редела, люди выкрикивали тосты, громко смеялись и вообще веселились в первый раз в своей жизни. Шум-гам стоял такой, что точно всех мертвых в округе перебудим, но сегодня это никого не волновало. Этим утром, словно подарок к свадьбе или знак с небес, очнулась первая зараженная Лилит-Роуз. Мы получили чудо-мазь, скрывающую наш человеческий запах от острого нюха зараженных. А на заднем дворе гостиницы зрел камуфляжный купол, который позволял людям наконец выйти на поверхность и работать под солнцем. Эти чудеса постепенно становились обыденностью – к хорошему быстро привыкаешь. Но они все равно оставляли на сердце послевкусию чего-то особенно дорогого, как например вино пятидесятилетней выдержки, которое сегодня вылакают до дна погреба. На то была веская причина – мы праздновали победу.

Честно говоря, когда я увидела Лилит, я чуть в штаны не навалила, она ведь физически практически не изменилась – такое же страшное чудовище разве что с маникюром и педикюром. Длинные клыки, мускулистые конечности, отвисшая пасть. И наличие в этом чудовище сознания добавляло

сюрреализма всей этой картине. Я даже представить не могла, как будет выглядеть зараженный с мозгами, я привыкла к тому, что они охотятся на тебя, рычат, плюются и постоянно норовят тебе башку снести своими длинными когтями. А тут... Лилит говорила как обычный человек, разве что звуки иногда давались тяжело из-за деформированной пасти, то и дело пропускались согласные – язык, запертый в зубастой пасти не был столь подвижен, как раньше, но все равно она изъяснялась получше многих из нас. По крайней мере, она выиграла у Фунчозы в скороговорки со счетом четыре-три.

– Карл украл у Клары кораллы, а Клара украла у Карла кларнет, – произнесла она с некоторой запинкой.

Из-за усилий из пасти вытекали слюни, но Ляжка во время их вытирала полотенцем, как тренер боксеру в перерывах между поединками. Легавый вставлял ей трубочку в рот, чтоб она прополоскала рот и выплюнула. Я прям ждала кровавых слюней от мозолей на языке – соревнование набирало обороты.

– Крал украл коралл марала, а марла скарала на... чей там был кал?

Фунчоза явно не знал эту скороговорку, а потому проиграл.

– Да-а-а-а! – завопили русские, ставившие на Лилит.

Они весело запрыгали, бросились обнимать Лилит, жали руки друг другу, будто это был бой всей жизни.

– И пояс достается Зубастой Мамбе! – объявил Электро-

люкс.

Пояса у нас, разумеется, не было, зато были голубые бусы от Хайдрун, которые мы торжественно надели на Лилит. Она заливисто смеялась, мы тоже – вот так и познакомились.

Поначалу люди ее боялись, Божена чуть ли не силой водила к ней экскурсионные группы людей. Но вскоре они поняли, что в глазах Лилит не горит таинственный голубой огонек убийцы, и толпы паломников уже было не остановить. В глазах Лилит все чаще проступали слезы. Даже представлять не хочу, что она пережила. Каково это – проснуться и осознать, что сорок лет ты людей убивала и пожирала их кишки? А потом она сказала, что у нее были дети, и тут я конкретно сдала. Я больше не могла слушать рассказы о ее жизни, мне хотелось выть от той боли, которую я чувствовала между строк, в каждой гласной, в каждом тяжелом вздохе из ее худосочной груди, в каждом нервном тереблении голубых бусинок на шее.

Падальщики дольше остальных сидели в боксе Лилит, слушая ее рассказы. Я ушла, не дождавшись конца, не попрощавшись, потому что надо было поскорее спрятать свои красные глаза. Тесса так вообще игнорировала Лилит, как будто той не было вовсе – она так и не навестила ее. Сыкота. Я же обещаю, что после завтрашней миссии я обязательно вернусь к Лилит-Роуз и продолжу слушать рассказы ее потрясающей жизни до Вспышки, просто потому что она жила ровно той жизнью, за которую мы все отчаянно боремся и за

которую пожертвовали тысячами жизней.

С мыслями о Лилит я не заметила, как рядом со мной на пол плюхнулся визитер, а потом ее рука нагло отобрала мою галету, которую я уже десять минут старательно размягчала-насосывала, чтоб она растаяла на языке.

Разумеется, это была Тесс.

Я огляделась по сторонам, чтобы никто не засекал, и достала заветную баночку из-за спины, которую мне Горе-Федор дал втайне ото всех. Малиновый конфитюр. Смешное слово – конфитюр. Но божественно вкусное.

Тесса макнула галету в розовое желе и засунула в рот одним куском. Глаза выпучились так, как у меня полчаса назад – до самого затылка.

– Горе-Федор – гений, мать его! – пробубнила Тесс с полным ртом.

– Ребята собирают ягоды летом, а потом морозят. Горе-Федор вот такой вкуснотюр сделал для меня. Только не говори никому!

Тесса перекрестилась шесть раз для пущей убедительности клятвы, а потом попросила еще.

Так мы и сидели еще полчаса, слушая приглушенную музыку из ресторана, наблюдая за кухонной кутерьмой и посаывая галеты с малиновым вкуснотюром.

Прямо как в старые добрые времена.

На Желяве мы частенько скрывались с ней у Горе-Федора. Он подкармливал нас всякими диковинными базилика-

ми с помидорами, что он выращивал втайне ото всех, и семена которых мы добывали для него на поверхности. На Желыве между поварами и Падальщиками был один из самых прочных союзов, он перерос в крепкую дружбу между нами и Горе-Федором, поэтому я даже не задумалась над тем, хочу ли рискнуть собственной жизнью ради этого двухметрового амбала в день прорыва базы. Друзей не бросают. Хотя бы потому что они тебе вкуснотюр подогнать могут.

– Те-е-ессонька! – Горе-Федор наконец заметил ее и как всегда загреб в свои тугие объятия.

– Привет, малыш, – ответила она, вися на плечах Феде в метре над полом.

Он вернул ее на пол рядом со мной, приложил палец к губам и шикнул, а потом достал из кармана фартука поллитровую бутылочку, о содержании которой я догадывалась. Горе-Федор был мастером самогона, нацеживал его даже из коры деревьев, а может и из солдатских носков. Вставляло всегда не по-детски. Я бы даже сказала размазывало.

– Вот. Ликерчик на клюкве. Сегодня только настоял, – протянул он нам.

Тесса тут же перехватила и спрятала под свитер. Горе-Федор милый, он знает, если мы появились на его территории, мы в поисках душевного спокойствия, и он всегда помогает нам его найти.

Баночка с конфитюром подходила к концу, как и пачка галет, клюква уже начала размазывать мозги по черепу, а по-

тому можно было и поразвлечься.

– Значит, Триггер? – я пихнула Тессу в бок.

Она тут же закатила глаза, мол, отстань.

Ну уж ни за что!

– Значит твой фетиш – пятидесятилетние старикашки? – я не могла не пошутить.

– Это не фетиш. Просто он... был таким...

– Сморщенным.

– Понимающим.

– Дряблым.

– Он меня успокаивал.

– Прикладывал тебя к своей седовласой груди и гладил по головке?

– Хочуха в любом возрасте достанет.

– А я читала, что если девушек тянет к старикашкам, это из-за нехватки отцовской любви в детстве.

– Ну вообще-то я потеряла родителей, когда мне было восемь. Так что да, есть в этом доля истины.

– Значит ли это, что когда ты с ним спала, то ты как будто спала со своим отцом?

– Фу, Бридж, иди к черту!

Я загоготала. Мы по очереди облизывали баночку, подтирая все остатки конфитюра.

– Почему ты не рассказывала мне об этом? – спросила я.

Прозвучало уже не так нагло и насмешливо, просто потому что я была обижена. Мы с Тесс лучшие друзья, секреты

друг от друга – предательство. По нервному ерзанью Тесс было очевидно, что она тоже осознавала свою вину.

– Мне казалось, что чем больше я прячу себя от остальных, тем проще выжить, – почти прошептала она, смотря в пол.

– Что за ерунда?

– Ты бы не поняла меня, если бы я рассказала тебе про нас с Триггером.

– Разумеется, нет! Более того, я бы заставила тебя прекратить это извращение. Черт возьми, Тесс, это же Триггер! Гнилья кусок, он пристрелил Генерала. Неужели ты не видела в нем этой черноты?

– Я видела в нем лишь бездонный колодец боли.

– А у кого нет этого колодца? Все наши жизни полны лишений и разочарований. Не один Триггер страдает!

– Ну как я могу еще оправдаться? – Тесса тяжело вздохнула и посмотрела на меня. – Встретились два нытика и нашли утешение друг в друге, просто потому что больше его найти было не у кого!

Я закусила губу. Я всегда боялась касаться это темы, потому что она касалась самого дорогого в моей жизни. Но момент настал, и я должна была быть откровенной с Тесс. Больше никаких предательств.

– Это все из-за Калеба, ведь так? – спросила я и удивилась тому, как охрип голос. словно я внезапно потеряла контроль над голосовыми связками.

– Что? Перестань, Бридж!

– Давай поговорим откровенно!

– Не о чем тут говорить!

– Ты отдала мне Калеба намеренно. Не бросила, не оставила его, а именно отдала.

Тесса замолчала и лишь тяжело дышала, для нее этот разговор был такой же пыткой, как и для меня, потому что как бы она ни пыталась скрыть, я видела ее чувства к Калебу, ведь сама же испытывала их, знала всю их подноготную.

– Я всегда это знала, Тесс. Как и знаю твой план.

Она посмотрела на меня вполне трезвым взглядом, будто клюква вовсе и не бродила в ее сером веществе.

– И я поддерживаю его. Ты выбрала для Калеба меньшее зло, и, благодаря этому, он останется в живых.

Тесса облегченно вздохнула, словно с плеч спала гора.

– Я знаю, что он любит тебя. И вряд ли найдется в этом мире человек, которого он бы любил больше. Ну а я люблю его больше собственной жизни и сделаю все, чтобы защитить его.

Мы обе замолчали, переваривая признания друг друга. Мы никогда не говорили об этом открыто, все как-то переглядками, недомолвками, кивками, и вот теперь открыли двери нараспашку, готовые признать то, чего боялись все это время.

Вот так наверное взрослеют.

– Так ведь лучше, – произнесла Тесс то ли вопросом, то ли утверждением.

– Ты очень депрессивная личность, Тесс. Я думаю, недалек тот день, когда ты помрешь героической смертью, спасая кучку людей. И лучше, чтобы Кaleb был в этот момент со мной. Потому что иначе он прыгнет под огонь за тобой. Ты убьешь его своей собственной судьбой, и я считаю, это нечестно.

– Значит, договорились.

– Договорились.

– К тому же Кейн тот еще душка.

– А с ним что не так? – Тесс уловила в моей фразе ноту сарказма.

– Ему семьдесят один год! Хватит шнырять по мавзолеям!

Мы прыснули со смеху.

– Для этого придется найти моего отца там снаружи.

– О черт, я сделаю это! Сделаю ради тебя! Пора прекращать это безумие.

Мы продолжали смеяться, размазывая мозги настойкой, а желудок – галетами. Как раньше. Как во времена юности, когда мир казался огромным, а возможности – бесконечными, когда мечты отправлялись в полет к другим материкам, а собственные силы казались неутолимыми.

Лишь я и Тесс. Лишь две подруги.

Без мужчин, драм и предательства.

Глава 3. Аахен

18 февраля 2071 года. 09:00

Тесса

Я бесшумно вошла в плексигласовый бокс Лилит-Роуз, надеясь, что не разбужу ее. В таком случае я смогу с чувством выполненного долга сообщить Кейну, что я пришла, а она спала, и вообще я молодец. Но только я хотела развернуться и убежать, как женщина открыла глаза и посмотрела прямо на меня.

Теперь же я выглядела каким-то извращенцем, подкрадывающимся к спящим женщинам.

– А я все ждала, когда же ты наконец придешь, – прохрипела Роуз.

Я нахмурилась.

– Ребята много о тебе рассказывают, – пояснила она. – Ты для них как неофициальный предводитель.

Я хмыкнула. А потом прошла к табурету рядом с кроватью Роуз и села. Чего уж теперь пытаться сбежать.

– Почему так долго тянула? – спросила Роуз.

Я замерла, не зная, что ответить.

– Ты... тут было так много желающих послушать тебя, – произнесла я неуверенно.

И Роуз эту неуверенность прочла чуть ли не по слогам, но никак не прокомментировала. Блин, она и впрямь душка.

– Ну давай, – она чуть качнула головой, зазывая меня, – задавай свои вопросы.

Я набрала воздуха в грудь и понеслась:

– Что ты помнишь?

– Уже много что. Поначалу было тяжело. Все равно что пытаться вспомнить слово, которое на языке застряло, – говоря, Лилит-Роуз постоянно теребила голубые бусы своими мощными уродливыми пальцами, тем самым вновь и вновь доказывая, что внутри чудовища сидит самый настоящий человек. – Ребята принесли мне телевизор и гигабайты контента, так что теперь вспоминается быстрее.

Я чуть откашлялась, пытаясь вернуть вопрос туда, куда я нацелила его изначально.

– А что ты помнишь из последних лет? Когда была...

Монстром? Чудовищем? Кровососом?

– ...когда блуждала по лесам?

Я просто дипломат хренов.

Роуз ответила не сразу.

– Я скорее помню ощущения, нежели конкретные образы.

Я чуть пригнулась, чтобы расслышать каждый звук ее речи.

– Я была в каком-то тумане что ли... все было бесконечным невесомым серым. Пустота. Ничто. И в этой серости было так тоскливо.

Я понимала каждое слово Роуз, она описывала ощущения, что посещали меня во снах, когда изредка меня уносило в

ту пустоту без стен, без верха и низа, без запаха, без света. Смотри на ее клыкастую морду, я с грустью осознавала, что у меня много общего с этим монстром.

А потом она произнесла:

– Я помню тебя.

От слов Роуз у меня все похолодело внутри, а позвоночник в миг оброс солевыми отложениями, и я уже не могла разогнуться.

Роуз смотрела на меня, я – на нее, мы молчали наверное минут пять, а может целый час, прежде чем я преодолела ступор.

– Это невозможно, – произнесла я, голос стал таким же хриплым как у старикашки с соленым позвоночником. – Я родилась много позже Вспышки.

– О, нет. Я знала тебя, уже будучи бессознательным существом.

– Это невозможно, – повторила я.

Почему-то мне было необходимо доказать Роуз, что ничего общего у меня с ней нет.

– Ты увидела меня одной из первых, когда пробудилась, воспоминания наложились, и теперь тебе кажется, что ты видела меня раньше.

– Когда я проснулась и увидела тебя, я знала твое имя.

– Это...

– Невозможно? – Роуз улыбнулась.

Но улыбнулась она как-то по-доброму, как тупому ребен-

ку, который не прекращает чужь молотить.

– Я видела тебя в том тумане, – уверенно произнесла она. – Ты так ярко светила. По крайней мере, ярче остальных.

Ну все. Кейн покойник. Говорила же, что мне не стоит сюда приходить. Но почему-то и уходить отсюда не хотелось. Я очень боялась того, что говорила Роуз, но больше всего меня пугало то, что я знала, что все, что она говорит – правда.

Правда, которую я не хотела признавать.

– Ты ведь чувствовала их? Всех тех людей, запертых в тумане. Они там. Они как призраки, которые не видят друг друга. Каждый в своей собственной реальности, но чувствующий присутствие других.

Твою мать, как четко она описывала то жуткое место! Она провела в нем без малого сорок лет, и неудивительно, что помнит каждую молекулу, каждый атом того проклятого туманного ничто.

– Ты светила, как... забрызганная грязью фара. Такой тусклый свет лампочки, когда она готова перегореть. Но тем не менее... ты светила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.